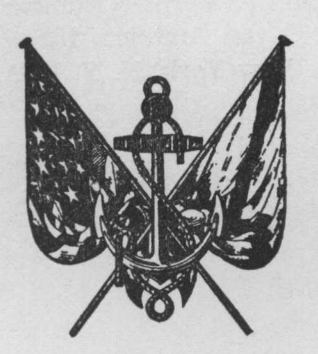
МОРСКІЯ ЗАПИСКИ.

THE NAVAL RECORDS.

Томъ V, № 4. Volume V, № 4.

Изданіе Общества
бывшихъ Русскихъ Морскихъ
Офицеровъ въ Америкѣ, Инк.
Нью-Іоркъ.

Published by
the Association of Former
Russian Naval Officers
in America, Inc.
New York.

1947

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ.
Издаваемыя О-мъ б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ.
Подъ редакціей
Ст. Лейт. Бар. Г. Н. Таубе,
465 Лексингтонъ авеню
Нью Іоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS
Published by the Association of Former Russian Naval Officers in America, Inc.
G. N. Taube, Editor.
465 Lexington Avenue,
New York 17, N. Y., U.S.A.

Vol. V. № 4. Price $1 a copy. December, 1947.

Содержаніе:

Contents:

ИЗДАНІЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ О-ВА

имѣющіяся на складѣ для продажи:

1) **«Морскія Записки»,** томъ I, 1943 г. Цѣна съ пересылкой $4.00 (осталось лишь нѣсколько годовыхъ комплектовъ).

2) **«Морскія Записки»,** томъ II, 1944 г. Цѣна съ пересылкой $4.00.

3) **«Морскія Записки»,** томъ III, 1945 г. Цѣна съ пересылкой $4.00.

4) **«Морскія Записки»,** томъ IV, 1946 г. Цѣна съ пересылкой $4.00.

5) **Юбилейный выпускъ.** Къ 20-тилѣтію О-ва бывш. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ Инк. (1923-1943 г.). Цѣна съ пересылкой $1.35 с. 80 стр.

6) **Морской Корпусъ за четверть вѣка. A. Tarsaidze.** 1901-1925 гг. Цѣна $1.50 с. съ пересылкой.

7) **Описаніе дѣйствій Гвардейскаго Экипажа** на сушѣ и на морѣ въ войну 1914-1917 гг. Ст. Лейт. Бар. Г. Н. Таубе. 35 стр. Цѣна 50 с. съ пересылкой.

8) **«Три Адмирала».** Н. А. и Н. Н. Епанчины. Изъ семейной хроники 1787-1913. 95 стр. Нью Іоркъ, 1946. Цѣна $.1.50 безъ пересылки. 9 фотографій, относящихся къ книгѣ «Три Адмирала» можно выписать за 1 долларъ.

9) **«...И только тогда наступилъ миръ...» Леонидъ Селезневъ-Скибъ.** Нью Іоркъ 1947. 87 стр. Цѣна съ пересылкой $1.50.

Д. Ѳедотовъ Уайтъ.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ СУДОСТРОЕНІЕ

ВЪ КОНЦѢ XVIII И НАЧАЛѢ XIX ВѢКОВЪ

(Окончаніе)

Обшиваніе мѣдью

Въ 1799 г. графъ Воронцовъ писалъ графу Кушелеву изъ Лондона, что «необходимо нужно, чтобы они [**корабли**] были обшиты мѣдью»[70]).

Оказывается, что еще въ 1781 г. было повелѣно ввести обшиваніе кораблей мѣдью. Къ 1797 г. всего было обшито мѣдью 7-100 пуш. кораблей и 6-74 пуш. На расходы по обшиванію мѣдью отпускалось около 27.000 р. ежегодно. На эту сумму было невозможно обшивать мѣдью всѣ строющіеся корабли[71]).

Въ 1800 г. Императоръ Павелъ замѣтилъ въ докладахъ адмирала Ушакова, что суда флота въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ «до того повреждаемы бываютъ червями, что обшивка почти отваливается прочь и потому самые корабли подвергаются чрезъ то опасности». Государь повелѣлъ, чтобы впредь всѣ корабли, а также 50 и 44 пуш. фрегаты, строящіеся въ портахъ Чернаго моря обшивались мѣдью[72]).

Однако только въ 1802 г. было повелѣно «чтобы всѣ вновь строемые военные корабли обшивать мѣдью»[73]). Такимъ образомъ, прошло болѣе двадцати лѣтъ послѣ рѣшенія обшивать корабли мѣдью, прежде чѣмъ это было осуществлено на дѣлѣ въ отношеніи всѣхъ вновь строемыхъ кораблей. Русскіе военные суда продолжали плавать безъ

---

70) М. XVI, 393.
71) М. XVI, 91.
72) М. XVI, 485.
73) М. XVII, 260.

мѣдной обшивки, въ то время, какъ суда Англіи и Франціи уже давно ее имѣли. О той роли, которую играла эта обшивка въ отношеніи сбереженія корпуса и мореходныхъ качествъ судовъ распространяться не приходится.

Ремонтъ и храненіе

Въ 1802 г. корабль **Елисавета**, только что перетимберованный въ предыдущемъ году, пришелъ въ такое состояніе, что его назначили къ разборкѣ на сломъ[74]).

Случай гибели корабля **Принцъ Густавъ** въ Каттегатѣ въ ноябрѣ 1798 г. былъ настолько примѣчательнымъ, что графъ Воронцовъ съ негодованіемъ писалъ: «изъ сего рапорта явственно видно, что гибель сія приключилась отъ непростительнаго нерадѣнія съ каковымъ наши корабли отпускаются въ море. Лѣтъ по 10-ти и болѣе лежатъ корабли въ гавани и передъ отходомъ въ море отпускаются безъ надлежащаго осмотра и починокъ, и тѣмъ повергаются въ крайнюю опасность»...[75]).

По поводу состоянія судовъ эскадры контръ-адмирала Чичагова въ 1799 г. тотъ же Воронцовъ писалъ: «необходимо нужно, чтобы ...ихъ гораздо чаще вводили въ доки для починокъ, для перекраски и для осмотру дна, а не такъ какъ бывало прежде, когда и самые прекрасно состроенные корабли, я разумѣю тѣ что взяли отъ шведовъ, отъ запущенія и нерадѣнія всѣ перегнили, что чуть было не отправило норвежскимъ рыбамъ въ пищу бѣднаго адмирала Карцова со всѣмъ его экипажемъ»[76]).

Лейтенантъ Владиміръ Броневской, въ своихъ извѣстныхъ **Запискахъ морскаго офицера,** восторгался видѣнными имъ въ 1805 г. порядкомъ храненія судовъ въ Копенгагенскомъ адмиралтействѣ: «лѣса, не прежде употребляются въ строеніе, какъ по совершенномъ ихъ осушеніи. Стапели, на которыхъ строятся корабли, покрыты крышею. Корабли стоящіе въ гавани, прикованы цѣпями къ сваямъ, также покрыты дощатою крышею, а отъ солнца бока завѣшены парусиною; посему и не удивительно, что Датскіе корабли служатъ по 50 и болѣе лѣтъ. Сія благоразумная бережливость конечно сохраняетъ Государственной казнѣ многіе милліоны. Каждый корабль постав-

---

74) **M.** XVII, 181.
75) **M.** XVI, 276.
76) **M.** XVI, 393.

ленъ противу магазейна, въ которомъ паруса, снасти и всѣ его принадлежности разложены въ порядкѣ, и при вооруженіи не нужно разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ[77]).

Повидимому, наблюдательный лейтенантъ даже и не подозрѣвалъ, что за шесть лѣтъ до посѣщенія имъ Копенгагена (въ 1799 г.) адмиралъ Кушелевъ предложилъ ввести въ россійскихъ портахъ порядокъ довольно схожій съ датскимъ.

Адмиралтействъ-коллегія въ засѣданіи 18 февраля 1799 г. слушала представленіе Кушелева о томъ, что «гавани во всѣхъ почти портахъ отъ времени до времени приходятъ въ ветхость и засорены, равно корабли и прочія военныя суда... находятся въ крайнемъ небреженіи, ибо во всѣ дурныя погоды стоя безъ покрышки, а притомъ и палубы оныхъ не бывъ надлежащимъ образомъ законопачены, отчего во внутренность свою принимая всякую сырость безвременно согниваютъ и дѣлаются неспособными къ службѣ». Кушелевъ предложилъ слѣдующія мѣры для сбереженія судовъ при стоянкѣ въ гавани: «на предбудущее время... слѣдующее: 1) гавани исправлять починкою стараться въ лѣтнее время... 2) корабли и прочія военныя суда... коль скоро введены будутъ въ гавань, то разоружить, и снявъ пушки, сложить на больверки, а вещи и матеріалы не мѣщкавъ отдать въ магазины, баластъ песочный выгрузить, корабль или другое судно внутри очистить, вымыть, просушить и вымазать, мачты вынуть, чугунный баластъ, выкатавъ вонъ, обжечь и для истребленія ржавчины намазать разгоряченный тиромъ, и таковой же класть въ корабль... надъ тѣми же, кои долгое время остаются въ портѣ, дѣлать легкія дощатыя крышки... наблюдая... дабы палубы непремѣнно были конопачены; а долженствующія будущаго года идти въ кампанію, прикрывать парусинными тентами, равно между палубъ и въ трюмѣ держать чистый воздухъ, провѣвая оный посредствомъ виндъ-зейлей»[78]).

Для наблюденія за исполненіемъ этихъ и другихъ работъ въ портахъ Кушелевъ предложилъ назначить флагмановъ, «остающихся при портахъ», раздѣливъ ихъ на части «къ смотрѣнію за производствомъ работъ... за чи-

---

77) Броневской, Владиміръ. **Записки Морскаго Офицера,** ч. I, стр. 19.
78) М. XVI, 451, 452.

стотою порта... и должны будутъ они отвѣтствовать каждый за ввѣренную ему часть»[79]).

Это была попытка ввести контроль строевого, плавающего состава флота въ хозяйственно-административныя дѣла портовъ.

Какъ отнеслась коллегія къ этимъ нововведеніямъ видно изъ журнала засѣданія 5-го марта 1802 г. Какъ только Кушелевъ не былъ уже болѣе въ случаѣ, его предложенія были отвергнуты.

«Но что касается до того, какъ вице-президентъ Кушелевъ пишетъ, чтобъ надъ кораблями... въ предохраненіе отъ солнца и непогодъ, дѣлать легкія дощатыя крыши... прикрывать парусными тентами, то поелику сіе сопряжено съ большею для казны издержкою, а притомъ въ зимнее время, не только что парусные тенты отъ великаго количества снѣгу могутъ быть часто повреждаемы, да и дощатыя крыши, въ случаѣ сильныхъ вѣтровъ, такъ же будутъ подвержены поврежденію, а притомъ зимою, какъ бы съ оныхъ снѣгъ очищаемъ не былъ, со всѣмъ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ оставаться, а весною... неминуемо будетъ течь... а потому въ сохраненіи кораблей поступать по силѣ адмиралтейскаго регламента... что слѣдуетъ до флагмановъ... къ смотрѣнію за производствомъ работъ, съ береженіемъ стоящихъ въ портѣ военныхъ судовъ... понеже за всѣмъ тѣмъ, по адмиралтейскому регламенту, смотрѣніе велѣно имѣть капитанамъ надъ портомъ... то и поступать по силѣ того узаконенія»[80]).

Немудрено, что лейтенантъ Броневской даже и не зналъ о попыткѣ Кушелева упорядочить дѣло храненія судовъ въ гаваняхъ. Все осталось по старому. Адмиралтействъ-коллегія, такая послушная, пока Павелъ былъ живъ, рѣзко отвергла планы молодого и энергичнаго адмирала, какъ только, съ гибелью императора, тотъ потерялъ источникъ своего вліянія.

Невольно вспоминаются строки въ письмѣ графа Воронцова тому же Кушелеву: «однимъ словомъ сія коллегія подобна была старой и дряхлой бабѣ, которая оглушена, ослѣпла и потеряла движеніе рукъ своихъ» — но не злобу

---

79) М. XVI, 454.
80) М. XVII, 209, 210.

на тѣхъ, кто осмѣливался нарушать издавна установившійся порядокъ[81]).

Каковы были результаты этихъ порядковъ видно изъ словъ Ф. Веселаго. Сдержанный и осторожный историкъ русскаго флота говоритъ: «въ кронштадтскомъ портѣ... корабли стоявшіе въ гавани содержались крайне безпечно: внутри ихъ на палубахъ, осенью и весной, стояли лужи дождевой воды и лежали груды грязи, по бортамъ образовались толстые слои плѣсени, и гнилой заразительный воздухъ держался въ трюмахъ... корабли, по году и по два, стояли безъ конопаченія, отчего пазы во время дождей наполнялись водою, которая замерзая раздирала ихъ; а весною при таяніи льда способствовала прѣлости и гнили. Въ случаѣ приготовленія корабля къ плаванію, конопаченіе начиналось весною, когда мокрота въ пазахъ не успѣла не только просохнуть, но даже оттаять, и сырость, плотно прикрытая конопаткою, оставалась и усиливала гніеніе»[82]).

Кушелевъ, повидимому, отлично зналъ, какъ небрежно велись работы по ремонту и подготовкѣ къ плаванію судовъ. Онъ надѣялся ввести извѣстный контроль, сдѣлавъ командировъ судовъ отвѣтственными за результаты этихъ работъ наравнѣ съ капитаномъ надъ портомъ. Кушелевъ предлагалъ, чтобы командиръ корабля, «съ офицерами своими долженъ тщательно смотрѣть, чтобы починка была прочнымъ и надежнымъ образомъ производима, и лѣса употребляемы были здоровые и не гнилые»[83]).

Такимъ образомъ, обслѣдованные документы показываютъ, что недолговѣчность судового состава русскаго флота была обусловлена небрежной постройкой изъ сырого лѣса, отсутствіемъ необходимыхъ предосторожностей при стоянкѣ въ гавани, плохимъ ремонтомъ и отсутствіемъ систематическаго надзора за ремонтными работами.

Въ литературѣ по исторіи англійскаго флота за тотъ же періодъ можно найти подтвержденіе этимъ заключеніямъ.

Рядъ интересныхъ замѣчаній относительно постройки

81) М. XVI, 370.
82) Веселаго, вып. II, 457.
83) М. XVI, 452.

и храненія судовъ англійскаго флота содержится въ томахъ переписки адмирала флота Сэра Томаса Байамъ Мартина, занимавшаго съ 1816 г. постъ замѣстителя комптроллера флота, а затѣмъ комптроллера флота и предсѣдателя морского совѣта (Comptroller of the navy, and head of the Navy Board).

Въ памятной запискѣ отъ 29 іюля 1826 г. Мартинъ указываетъ, что корабль долженъ строиться втеченіе пяти лѣтъ, чтобы этимъ обезпечить достаточную просушку строительнаго матеріала. Въ примѣчаніи къ той же запискѣ, сдѣланномъ адмираломъ Ричардомъ Хамильтонъ (Admiral Sir Richard Vesey Hamilton, G. C. B.), сказано, что деревянные корабли зачастую строились въ теченіе десяти лѣтъ, по частямъ, чтобы этимъ дать время просохнуть лѣсу. Именно поэтому, пишетъ адмиралъ, корабли служили въ строю по многу лѣтъ. Когда же начали строить впервые въ срочномъ порядкѣ винтовыя суда и изъ за спѣшки употребили недостаточно просушенный лѣсъ, то эти суда могли служить лишь въ теченіе короткихъ сроковъ. Онъ упоминаетъ, что одно изъ этихъ судовъ, *Lord Clyde*, построенное въ теченіе десяти месяцевъ, прослужило лишь одну кампанію.

Адмиралъ Мартинъ говоритъ: «во всѣхъ случаяхъ, когда суда строились спѣшно изъ сырого матеріала, и не подъ крышей, они были подвержены быстрому разрушенію отъ гніенія».

Мартинъ также упоминаетъ, что во время войнъ, революцій и имперіи, англійскіе военные суда строились, по нуждѣ спѣшно и изъ сырого лѣса, зачастую не подъ крышей. Въ результатѣ этого «многія изъ нихъ начали сильно гнить уже во время постройки». Въ отношеніи храненія подъ крышей судовъ окончившихъ кампанію, адмиралъ Мартинъ полностью подтверждаетъ мнѣніе графа Кушелева. Онъ говоритъ, что шведы и венеціанцы начали устраивать крыши надъ судами для храненія ихъ въ гаваняхъ за шестьдесятъ летъ до введенія этой мѣры въ Англіи.

Государь Императоръ Николай I посѣтилъ корабли въ одномъ изъ англійскихъ портовъ послѣ упорядоченія храненія судовъ адмираломъ Мартиномъ. Государю такъ понравился этотъ порядокъ храненія, что онъ якобы, сказалъ, что ничто его такъ не поразило, какъ отличное со-

стоянiе этихъ кораблей и та забота, съ которой они хранятся.

Между тѣмъ, по существу, это былъ тотъ же способъ, который въ свое время былъ предложенъ графомъ Кушелевымъ. Надъ судами были построены крыши, а изъ палубъ и изъ бортовъ вынуты доски въ достаточномъ числѣ для обезпеченiя вентиляцiи и предохраненiя этимъ судовъ отъ гнiенiя. При установленномъ Мартиномъ порядкѣ, судами на храненiи въ порту завѣдывалъ капитанъ 1-го ранга, которому было придано нѣсколько лейтенантовъ. Эти офицеры жили на завѣдываемыхъ ими кораб-ляхъ и несли отвѣтственность за добропорядочное храненiе и чистоту кораблей. Мартинъ пишетъ: «Дѣйствительно нельзя себѣ представить ничего болѣе прекраснаго, чѣмъ сухое, свободное отъ гнiенiя и чистое состоянiе этихъ кораблей»[84]).

Нравы

Достаточно пересмотрѣть хотя бы **Записки Ф. Ф. Вигеля** чтобы составить себѣ представленiе о нравахъ чиновничества эпохи Павла I-го и Александра I-го.

О томъ, какъ эти «темныя стороны» затрагивали жизнь флота. Ф. Веселаго говоритъ обиняками. Онъ утверждаетъ, что въ «морскомъ же вѣдомствѣ, и особенно во флотѣ, подобное зло выражалось только въ отдѣльныхъ частностяхъ, и было противно общему духу служащихъ и характеру самой службы». Однако тотъ же Веселаго упоминаетъ, что въ Кронштадтѣ «для жителей города почти терялось отличiе казеннаго отъ собственнаго... никого не удивляло, что... на видномъ мѣстѣ города, смотритель госпиталя, получающiй ничтожное жалованье, возводилъ большой домъ и рядъ лавокъ, что домъ корабельнаго мастера былъ построенъ изъ мачтовыхъ деревьевъ»[84]).

Веселаго разсказалъ также о случаѣ съ приготовленiемъ къ кампанiи корабля **Эмгейтенъ** въ 1824 г. Директоръ и капитанъ надъ портомъ объясняли медленность

---

[84]) Letters and Papers of Admiral of the Fleet Sir Thos. Byam Martin, G. C. B., edited by Sir Richard Vesey Hamilton, G. C. B., admiral. Printed for the Navy Records Society, London, 1901, v. III, pp. 98, 99 and 371-373.

работъ недостаткомъ конопатчиковъ, «но по непріятной для нихъ случайности, начальнику штаба попалось но глаза, стоявшее въ гавани купеческое судно, которое конопатили, исправляли и обшивали казенною мѣдью лучшіе мастеровые изъ порта»[85]).

Нельзя думать, что эти нравы развелись только въ результатѣ дѣятельности маркиза де Траверсе. Графъ Воронцовъ, прекрасно освѣдомленный корабельными учениками и подмастерьями, обучавшимися въ Англіи, писалъ въ 1799 г. «я слыхалъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ велѣно было строить корабли изъ лиственницы, лиственной лѣсъ употребляемъ былъ для продажныхъ купеческихъ, а военные корабли... составлены были наскоро изъ гнилаго, либо сыраго сосноваго лѣса, кои прежде чѣмъ спущены на воду, уже и не годятся къ плаванію»[86]).

Къ сожалѣнію и строевой составъ былъ также повиненъ въ злоупотребленіяхъ по хозяйственной части. Кушелевъ писалъ въ уже упомянутой запискѣ: «Но поелику извѣстно, что чрезъ вкравшіяся доселѣ злоупотребленія, многія изъ капитановъ, забывъ долгъ службы... казенныя вещи, какъ то: канаты, паруса, снасти и прочее, продаютъ на иностранныя купеческія суда»[88]). Кушелевъ даже настаивалъ, чтобы всѣ «неположенные расходы на корабляхъ во время кампаніи», производились не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ офицеровъ корабля. Это едва ли было цѣлесообразно. Болѣе правильный организаціонный подходъ выразился въ созданіи должности ревизора, который по первоначальному замыслу, долженъ былъ играть болѣе значительную роль, чѣмъ впослѣдствіи. Эта реформа была введена по мысли Чичагова.

Относительно содержателей экипажескихъ, лѣсныхъ и провіантскихъ магазиновъ, Кушелевъ писалъ: «ибо извѣстно и тутъ неменьшее злоупотребленіе, что записывая въ расходъ излишне... нѣкоторые матеріалы и вещи остаются въ магазинахъ, а послѣ... вывозя ихъ подъ разными предлогами»[89]). Для пресѣченія этихъ злоупотребленій Кушелевъ предлагалъ свидѣтельствовать магазины каждые четыре мѣсяца.

---

85) Веселаго, II, 435, 436, 453, 454.

86) Веселаго, II, 458.

87) М. XVI, 341.

88) М. XVI, 453.

89) Там же.

Съ воцареніемъ Николая I началось быстрое улучшеніе, какъ въ отношеніи постройки судовъ, такъ и по административно-хозяйственной части. Можно думать, что вторая половина царствованія Александра I-го совпала съ надиромъ состоянія флота (въ особенности балтійскаго).

Англійская портовая администрація конца XVIII вѣка также не была свободна отъ злоупотребленій. Въ уже упомянутыхъ томахъ переписки адмирала Мартина есть письмо адмирала лорда Хоу (Howe), датированное 1785 г., изъ котораго можно заключить, что низшіе чины портовой администраціи систематически расхищали казенное имущество. Хоу писалъ: «Дурное поведеніе кондукторовъ флота (Warrant Officers,, положеніе которыхъ въ то время приблизительно соотвѣтствовало мѣсту кондукторовъ въ русскомъ флотѣ) является прискорбнымъ и приводящимъ въ смущеніе зломъ. Я не знаю способа предотвратить это, иначе какъ производствомъ болѣе частыхъ ревизій подвѣдомственныхъ имъ складовъ, съ цѣлью заставить ихъ этимъ прекратить мошенническія продѣлки, которыя имъ тогда будетъ уже не такъ легко скрывать»[90]).

Къ нравамъ и порядкамъ восемнадцатаго вѣка нельзя примѣнять тѣ требованія въ отношеніи служебной честности, которые вошли въ силу позже. Надо имѣть въ виду, что порядки, которые господствовали въ русскихъ адмиралтействахъ и портахъ при Императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I, не были чѣмъ либо исключительнымъ для того времени. Нѣкоторое знакомство съ исторической литературой по флотамъ другихъ европейскихъ державъ, заставляетъ пишущаго эти строки предполагать, что нравы русскихъ портовыхъ учрежденій не были хуже (а, можетъ быть, были лучше) нравовъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ морскихъ учрежденій того времени (напримѣръ неаполитанскихъ).

Заключеніе

Чѣмъ же была вызвана очевидная безхозяйственность въ отношеніи заготовленія судостроительныхъ матеріаловъ, храненія ихъ и постройки судовъ? Обслѣдованные документы совершенно ясно показываютъ, что, какъ самъ

---

90) Martin, Op. cit., 1903, v. I. Letter of Lord Howe to Commissioner Martin (Sir Byam's father) of January 17th, 1785, pp. 200, 201.

оберъ-сарваеръ, такъ и отдѣльные корабельные мастера сознавали всю важность методической заготовки и просушки лѣса, также какъ и соблюденія опредѣленныхъ сроковъ постройки.

Во главѣ морского вѣдомства (de facto или de jure) стояли такіе видные дѣятели, какъ Кушелевъ, Мордвиновъ и Чичаговъ. Всѣ трое были хорошо освѣдомлены, талантливы, честны и усердны. Мордвиновъ обладалъ большимъ государственнымъ умомъ и былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени. Чичаговъ былъ блестящимъ строевымъ офицеромъ, отлично зналъ всѣ англійскіе адмиралтейскіе порядки, былъ человѣкъ смѣлый и обладалъ независимымъ и оригинальнымъ умомъ. И все же этимъ замѣчательнымъ адмираламъ не удалось очистить авгіевы конюшни адмиралтействъ и портовъ.

Правда, кое чего они достигли, какъ въ отношеніи постройки, такъ и артиллерійскаго вооруженія судовъ. Все же суда русскаго флота продолжали быть годными къ службѣ лишь въ теченіи 8-10 лѣтъ, а то и менѣе.

Съ назначеніемъ на должность морского министра маркиза де Траверсе всѣ труды его предшественниковъ пошли на смарку. Только на Черномъ морѣ умный, систематичный и энергичный А. С. Грейгъ терпѣливо выводилъ фундаментъ, на которомъ Лазаревъ, Корниловъ и Нахимовъ возвели зданіе черноморской Лазаревской школы.

Думается, что причины недочетовъ морского хозяйства надо искать не въ характерѣ и способностяхъ адмираловъ, руководившихъ морскимъ вѣдомствомъ при Павлѣ I и въ началѣ правленія Александра I. Роль Павла Петровича въ отношеніи флота также надо признать положительной. Только при его поддержкѣ могъ Кушелевъ вести свою упорную борьбу за возсозданіе флота.

Система управленія морскимъ вѣдомствомъ, сложившаяся за XVIII вѣкъ, также какъ и общая технологическая, экономическая и соціально-культурная отсталость страны необычайно затрудняли подъемъ военнаго кораблестроенія на высоту достиженій Запада.

Коллегіальное начало управленія вѣдомствомъ до введенія министерствъ при Александре I было безусловно отрицательнымъ явленіемъ, въ той формѣ, въ которой она тогда существовала въ Россіи. Главы экспедицій, засѣдавшіе въ коллегіи, не были склонны критиковать дѣятель-

ность своихъ коллегъ, не желая подвергнуть работу своихъ частей критикѣ со стороны послѣднихъ.

Учрежденіе министерствъ также не разрѣшило вполнѣ вопросъ объ отвѣтственности за работу морского вѣдомства. Въ этомъ отношеніи переписка между адмираломъ Мордвиновымъ и Александромъ I, предшествовавшая уходу послѣдняго съ поста министра морскихъ силъ, содержитъ много интереснаго.

Нельзя упускать изъ вида и трагическое положеніе мелкаго служилаго люда въ связи съ быстрымъ паденіемъ курса ассигнацій, — съ 1807 года, съ 90 копѣекъ серебромъ до 25 копѣекъ въ 1811 году[91]).

Но прежде всего надо вспомнить, что въ Россіи почти не существовало тогда частное судостроеніе. Адмиралтейства не имѣли резервуаровъ, изъ которыхъ они могли бы черпать квалифицированную рабочую силу и низшій технически-административный персоналъ.

Несвободный трудъ въ адмиралтействахъ не былъ, ни производительнымъ, ни достаточно культурнымъ и технически подготовленнымъ. При низкихъ окладахъ жалованія низшаго административнаго персонала постепенно выработались своеобразные, обычаемъ освященные способы «кормленія» отъ казеннаго пирога, которые тяжело отражались и на постройкѣ и на ремонтѣ. Попытки Кушелева и Чичагова не смогли преодолѣть молчаливое упорное сопротивленіе массы низшихъ служащихъ, привыкшихъ видѣть въ «безгрѣшныхъ доходахъ» неотъемлемую часть своихъ заработковъ.

Объ этихъ явленіяхъ общественно-бытового и соціально-экономическаго порядка морской историкъ не долженъ забывать. Къ сожалѣнію, предѣлы настоящаго изслѣдованія не даютъ возможность обслѣдовать относительный вѣсъ этихъ факторовъ и ихъ бóльшее или меньшее вліяніе на развитіе и усовершенствованіе военнаго судостроенія въ Россіи.

Нельзя не вспомнить о тѣхъ русскихъ морякахъ, которые и на плохо построенныхъ и дурно ремонтированныхъ судахъ, не только совершали дальніе походы, но и

---

[91]) Вигель, Записки, т. I, 1928 г., стр. 286.

одерживали побѣды за предѣлами Балтійскаго и Чернаго морей.

Какъ писалъ графъ Воронцовъ: «Всѣ здѣшніе адмиралы и офицеры [**англійскіе**] удивляются храбрости и рѣшительности нашихъ офицеровъ за смѣлость, съ каковою они плаваютъ по морю въ самыя жесточайшія бури на судахъ толь худаго состоянія и клянутся, что ни одинъ изъ нихъ не отважился бы взять на себя командовать толь гнилыми и разсыпающимися кораблями»[92]).

92) М. XVI, 276.

А. В. ПЛОТТО

НАЧАЛО ПОДВОДНАГО ПЛАВАНІЯ ВЪ РОССІИ

ЧАСТЬ III

Лодки во время безпорядковъ во Владивостокѣ.

(Окончаніе)

Послѣ заключенія перемирія во Владивостокъ стали доходить слухи о происходящихъ въ Россіи и Манчжуріи безпорядкахъ. Сначала слухи были глухіе, а затѣмъ приняли болѣе настойчивый характеръ.

Мнѣ пришло въ голову заняться съ командой отряда политикой. Для этого занятія и работы заканчивались въ 3 часа дня, команды лодокъ собирались на «Шилку», приходили и желающіе офицеры отряда. Раньше отъ командъ скрывали все, что пахло краснымъ направленіемъ. Я рѣшилъ поступить наоборотъ и читалъ имъ все, начиная съ революціонного Владивостокскаго листка. Говорилъ и разъяснялъ какъ могъ всю несуразность, а часто и глупость лѣвыхъ тезисовъ.

Матросамъ разрѣшалось высказываться, я вступалъ въ споръ, доказывалъ имъ ихъ ошибки. Правильность моей системы была впослѣдствіи подтверждена поведеніемъ команды. Я сидѣлъ за столикомъ, а вся команда кругомъ меня разсаживалась на палубѣ и скамейкахъ.

Возвращавшіеся изъ японскаго плѣна Портъ-Артурцы были настолько распропагандированы, что съ ихъ прибытіемъ Владивостокъ зажилъ не здоровой жизнью.

Съ объявленіемъ Высочайшаго Манифеста въ Октябрѣ, массы были готовы къ безпорядкамъ, а черезъ нѣсколько дней начались и эксцессы.

Начали грабить рестораны, а затѣмъ и ювелирные магазины. Воинскіе патрули иной разъ силою до полуроты вели себя пассивно. На мой вопросъ, для чего же назначенъ патруль, командующій офицеръ отвѣтилъ, что по приказанію Ген. Каз-

бека имъ категорически запрещено примѣнять силу. Кончилось тѣмъ, что и патрули приняли участіе въ грабежахъ.

Магазины Кунста и Альберта и Чурина сумѣли себя отстоять — ихъ старшіе приказчики вмѣшались въ толпу, переговорили съ нѣсколькими солдатами и толпой и, у дверей ихъ магазиновъ появились мгновенно солдаты вооруженные дубинками и винтовками, кои и выпроваживали подвыпившихъ громилъ.

Это обошлось владѣльцамъ по 2000 р. каждому нанятому солдату, какъ я узналъ послѣ.

Вслѣдъ затѣмъ начались поджоги офицерскихъ флигелей и частныхъ домовъ.

Около 11 утра я встрѣтилъ двухъ своихъ унтеръ-офицеровъ, которые просили меня вернуться на «Шилку», ибо какъ они узнали, меня разыскиваютъ экипажескіе матросы и вернувшіеся изъ плѣна солдаты, чтобы со мной раздѣлаться.

Нѣсколько офицеровъ сапернаго батальона уже были убиты въ этотъ день. Я былъ очень радъ, что у меня уже не было рабочихъ Балтійскаго Завода.

Когда я вернулся на корабль, то уже горѣли офицерскіе флигеля Сибирскаго Экипажа и далѣе по направленію къ Минному городку горѣли дома лицъ служащихъ въ военномъ или морскомъ вѣдомствахъ. Въ общемъ къ концу дня сгорѣло 240 домовъ, какъ мнѣ доложили мои освѣдомители.

Не помню кому, можетъ быть и мнѣ, пришло въ голову отправить на берегъ команды съ офицерами тушить пожары, охранять людей и оберегать имущество. Женщинъ и дѣтей я разрѣшилъ устроить на «Шилкѣ», гдѣ было достаточно для этого помѣщеній. Это распоряженіе командѣ пришлось по душѣ, они отстояли много домовъ, много женщинъ и дѣтей было привезено на судно. Была вытащена изъ горящаго дома жена К. 1 р. Балка. Былъ привезенъ цѣлый госпиталь сестеръ милосердія; ихъ общежитіе сгорѣло. Прибыло много морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ.

Особую распорядительность проявилъ ревизоръ «Шилки», прапорщикъ Емельянъ Лелевскій.

Я встрѣтилъ его въ Афинахъ лѣтъ 10-12 тому назадъ, въ качествѣ капитана парохода какой то датской кампаніи. Этотъ безхитростный морякъ коммерческаго флота не зналъ чувства страха, команда его обожала, хотя онъ и бывалъ строгимъ.

Были и офицерскія выступленія: однажды ко мнѣ явились командиры подводныхъ лодокъ съ Лейт. Кн. Трубецкимъ во главѣ, съ требованіемъ, чтобы всѣ дѣла отряда рѣшались съ ихъ вѣдома и согласія.

Отвѣтилъ имъ на это, что обсуждать дѣла отряда я имъ не препятствую, но что ихъ постановленія не буду считать для себя обязательными и что это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока я являюсь отвѣтственнымъ за отрядъ. При мнѣ же Кн. Трубецкой обратился къ этой въ сущности зеленой, молодежи и сказалъ: «Видите, господа, слово въ слово отвѣтъ такой, какой я Вамъ предсказалъ».

Инціаторами этого выступленія были два офицера съ розоватымъ оттѣнкомъ, который, впрочемъ, скоро съ нихъ соскочилъ.

Были и комическія выходки — ко мнѣ явился Мичманъ Ермоловъ (отличный мичманъ) съ начисто выбритыми усами. Это разрѣшалось только по предписанію врача, и я его спросилъ «вѣроятно, докторъ Вамъ предписалъ выбрить усы? Что у Васъ съ губой?» Онъ отвѣтилъ, что теперь ему никто не можетъ запретить быть безъ усовъ, потому что теперь свобода. Посадилъ его на двѣ недѣли домашнимъ арестомъ безъ приставленія часового, что имѣло хорошія послѣдствія, ибо офицеры поняли, что я шутить не стану.

Два вышеуказанныхъ офицера было мною недовольны за запрещеніе офицерамъ посѣщать засѣданія совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, о чемъ я отдалъ приказъ по отряду.

Къ вечеру перваго дня безпорядковъ, многіе изъ прибывшихъ на «Шилку» разъѣхались, найдя пристанище у родныхъ или знакомыхъ.

На другой день, въ 8 ч. утра (это было воскресенье), меня потребовали на «Алмазъ», гдѣ держалъ флагъ Адм. Греве. Крейсера «Россія», «Громобой» и «Богатырь» уже ушли въ Евр. Россію.

На засѣданіи, на которомъ присутствовалъ К. 2 р. баронъ Раденъ и другіе высшіе морскіе чины, обсуждалось требованіе батареи Эгершельдъ отстранить немедленно отъ командованія Отрядомъ под. лод. и тр. «Шилка» Лейт. Плотто, а буде это требованіе исполнено не будетъ, то продолжать безпорядки и даже угроза обстрѣлять городъ.

Пораженный честью, оказанной мнѣ революціонерами я, какъ младшій, первый подалъ свой голосъ.

1) Эгершельдъ можетъ стрѣлять только двумя 6-ти дм. орудіями.

2) Офицеровъ на батареѣ нѣтъ, прислуга орудій пьяна — стрѣльба будетъ не дѣйствительной.

3) Обстрѣлять Эгершельдъ орудіями «Шилки» (2-120 м/м

и 2-75 м/м. Орудія всѣхъ эскадренныхъ миноносцевъ могутъ присоединиться къ «Шилкѣ».

4) Уничтожить батарею.

5) «Шилка» остается въ распоряженіе Адмирала.

Меня поддержалъ К 2 р. Баронъ Раденъ, хотя и высказалъ сомнѣніе въ томъ, что команды миноносцевъ согласятся обстрѣливать батарею.

— «Если мы согласимся на ихъ требованія, добавилъ онъ, то слѣдующимъ они потребуютъ устраненія меня, а затѣмъ и васъ, Ваше Пр-во».

Долго раздумывалъ Адмиралъ и рѣшилъ: «Не надо крови. Я васъ смѣню, Александръ Владимировичъ. Вы видите, что я принужденъ такъ поступить». Я отвѣтилъ: «Есть, но въ будущемъ я изъ-за этого вашего рѣшенія подамъ въ отставку». — «Ну, тамъ видно будетъ»...

Только что я вернулся на «Шилку», на «Алмазѣ» уже былъ поднятъ сигналъ, отрѣшающій меня отъ командованія Отрядомъ и «Шилкой».

Семафоромъ было передано сдать должность немедленно старшему по мнѣ.

Разыскать проживающаго въ городѣ Кн. Трубецкаго не представилось возможнымъ, почему я сдалъ «Шилку» и отрядъ Лейт. Бѣлкину.

Собравъ вещи, хотѣлъ ѣхать на берегъ, но мои унтеръ-офицеды (бывшіе указатели Мин. Оф. Класса) сообщили мнѣ, что на всѣхъ пристаняхъ меня ожидаютъ революціонеры, чтобъ меня арестовать и, кромѣ того, сообщили, что на «Тоболѣ», черезъ свѣтовой люкъ убиты Командиръ, его жена и тяжело раненъ одинъ изъ офицеровъ прапорщиковъ запаса. Съѣхать на берегъ я не могъ, а потому поѣхалъ на американскій товаро-пассажирскій пароходъ, уходящій на другой день въ Санъ-Франциско, но денегъ у женя не было съ собой и въ воскресенье достать было негдѣ.

Въ 5 час. вечера за мной пришелъ катеръ съ «Алмаза». Бывшій на немъ Лейт. Барташевичъ сообщилъ мнѣ, что команды «Шилки» и лодокъ стоятъ во фронтѣ и требуютъ возвращенія ихъ командира Лейт. Плотто. Разсказалъ и то, что по улицамъ ходятъ толпы съ музыкой, красными флагами и съ ген. Казбекомъ во главѣ. Его заставили принимать участіе въ демонстраціи да за одно и выпускать изъ тюремъ и арестныхъ домовъ арестантовъ.

Адм. Греве принялъ меня очень любезно, просилъ принять «Шилку» и отрядъ и взять на «Шилку» убійцъ командира «То-

бола», ибо команда «Алмаза» заявила что не желаетъ быть тюремщиками.

Я согласился, но просилъ разрѣшенія сегодня же итти въ море, что онъ разрѣшилъ. На «Алмазѣ» былъ поднятъ сигналъ о моемъ возвращеніи. Заѣхалъ на американскій пароходъ и поблагодарилъ капитана за гостепріимство, возвратился на «Шилку», гдѣ былъ встрѣченъ громогласнымъ «Ура» команды стоявшей во фронтѣ. Я обратился къ командѣ съ рѣчью, въ которой указалъ имъ на недопустимость подобнаго рода дѣйствій, что они воспользовались мягкостью Адмирала и поступили, какъ морскіе разбойники и, значитъ, я долженъ командовать пиратскимъ судномъ. И добавилъ, знаютъ ли они, какой властью пользуются выбранные подобнымъ образомъ капитаны? Знаютъ ли они, что я теперь, послѣ этого имѣю моральное право за неисполненіе моего приказанія убить любого изъ нихъ? И тутъ же отдѣливъ десять человѣкъ съ праваго фланга, я приказалъ имъ взять винтовки и привезти на гребномъ катерѣ подъ командой Прапорщ. Лелевскаго съ «Тобола» трехъ убійцъ (для чего и рѣчь моя говорилась). Это приказаніе немедленно и безпрекословно было исполнено. Затѣмъ приказалъ принять провизіи на 10 дней и разводить пары.

Моя рѣчь была разсказана на берегу и я получилъ кличку «пирата», а «Шилка» была прозвана «разбойничьим гнѣздомъ». Объ этомъ эпизодѣ я никогда никому не разсказывалъ и описываю его пока еще не всѣ свидѣтели сошли съ жизненной арены.

Около 10 час. вечера вышелъ въ море. Всѣ подводныя лодки, бывшія около «Шилки» ошвартовились подъ Эгершельдомъ у нашей береговой базы. На «Шилкѣ» еще оставалось много постороннихъ офицеровъ, женщинъ, дѣтей и сестеръ милосердія, и г-жа Балкъ.

Когда проходили траверзъ острова Аскольдъ, пришедшій ко мнѣ въ каюту боцманъ доложилъ, что команда требуетъ меня въ кубрикъ. Выгналъ его вонъ и сказалъ, что команда меня требовать не можетъ. Черезъ пять минутъ тотъ же боцманъ доложилъ, что команда во фронтѣ и очень проситъ меня спуститься въ кубрикъ. Было часовъ 12 ночи и команда видимо еще не спала. Я спустился въ палубу, вслѣдъ за мной пошелъ Прапорщикъ Лелевскій, который, какъ онъ говорилъ потомъ, очень за меня боялся, и потому держался всегда недалеко отъ меня. Войдя въ кубрикъ, я машинально заперъ за собой дверь на ключъ (самъ этого не помню и узналъ это отъ Лелевского). Команда стояла во фронтѣ, въ кубрикѣ было темновато. На мой

вопросъ въ чемъ дѣло и что они хотѣли мнѣ сообщить, какой то незнакомый мнѣ голосъ заявилъ, объясняясь сначала въ любви ко мнѣ, что команда проситъ не обращать военнаго судна въ тюрьму, а матросовъ въ тюремщиковъ и свезти арестованныхъ на Аскольдъ. Говорилъ, какъ я разсмотрѣлъ, какой то совершенно незнакомый мнѣ боцманматъ. Совершенно спокойно я спросилъ: — «Ну, а еще что?»

Заговорилъ другой: «Такъ что, Ваше Высокоблагородіе, зачѣмъ же это на военномъ суднѣ женщины, дѣти, да еще сухопутные офицеры, которые извѣстное дѣло кровь солдатъ пьютъ». Для меня уже стало ясно, что люди не мои; такихъ рѣчей во время нашихъ дебатовъ съ командами раньше я не слышалъ. «Слѣдуетъ, Ваше Высокоблагородіе, ихъ всѣхъ спустить вмѣстѣ на Аскольдъ».

«Ну, а еще что?» — «Такъ что», — говоритъ третій голосъ — «мы, значитъ по хорошему съ Вами, потому любимъ, но все же, если Вы не сполните чего мы просимъ то мы можемъ и сами это сдѣлать, т. е., значитъ, силкомъ».

Отвѣчаю: «Спасибо, что сказали. Прапорщикъ Лелевскій, сейчасъ же смѣните часового съ поста у карцеровъ, встаньте сами, черезъ полчаса я Васъ смѣню и помните, ребята, вы освободите арестованныхъ только послѣ того, какъ у меня всѣ патроны выйдутъ и меня не будетъ въ живыхъ. То же самое могу сказать и о нашихъ гостяхъ, мы русскіе люди и наши гости для насъ вещь святая, уѣдутъ, когда сами этого захотятъ и когда будетъ гдѣ голову преклонить. Кромѣ того, ребята, я не знаю этихъ ораторовъ, какъ они къ намъ сюда попали, это не наши люди». Открылъ двери ключемъ, который машинально вынулъ изъ кармана и вышелъ на палубу.

Я поспѣлъ только войти въ свою каюту, какъ прибѣжалъ и. д. старшаго офицера Лейт. Александръ Ильичъ Зеленый (гдѣ онъ теперь, мнѣ неизвѣстно, да и во время великой войны я о немъ не слышалъ) вмѣстѣ съ Лелевскимъ и докладываетъ, что въ палубѣ драка. Въ отвѣтъ я говорю Лелевскому: «Не становитесь на часы, наше дѣло выиграно».

Черезъ двѣ минуты приходитъ боцманъ и проситъ спуститься къ командѣ на минуту ибо они во фронтѣ.

Уже съ цѣлой свитой изъ офицеровъ иду внизъ. Стоятъ во фронтѣ, а передъ фронтомъ три помятыхъ слегка человѣка связанныхъ.

«Ваше Высокоблагородіе», кто-то докладываетъ, это не наши съ Вами говорили, они хвастались, что Вы сдрейфите, и

выпустите арестованныхъ, а мы знали, что этого не будетъ. Простите, допустили до разговора, теперь просимъ и этихъ присоединить къ убійцамъ, ибо они и Васъ хотѣли убить».

Послѣ этого плавали шесть дней, ходили вокругъ Цусимы. Въ командѣ была тишь и гладь, но въ морѣ было очень свѣжо и мы выдержали большую трепку.

Потомъ боцманъ говорилъ Лелевскому, что команду больше всего поразило то, что я заперъ двери на ключъ. По ихъ понятію это было величайшее хладнокровіе, чуть ли не геройскій поступокъ, что я выдержалъ «экзаменъ», устроенный ими, чѣмъ и купилъ ихъ до конца моего пребыванія ихъ командиромъ. Уже впослѣдствіи въ Кронштадтѣ я получалъ письма отъ многихъ изъ нихъ.

На обратномъ пути зашелъ въ бухту Гашкевича, при входѣ въ заливъ Посьетъ, гдѣ простоялъ сутки. Отдохнули и привели судно въ порядокъ.

Передъ нашимъ уходомъ въ ту же бухту зашелъ крейсеръ «Аскольдъ», возвращавшійся изъ Шанхая, гдѣ онъ былъ интернированъ. Командиромъ его былъ К.2р. Константинъ Васильевичъ Стеценко, человѣкъ смѣлый и рѣшительный, который хотя не очень то меня жаловалъ, но его прибытію я порадовался — нашего полку прибыло.

Чтобы его не обидѣть, я сигналомъ отмѣнилъ слѣдуемый моему брейдъ вымпелу салютъ, и снялся съ якоря.

По прибытіи во Владивостокъ отправилъ 6 арестованныхъ въ тюрьму подъ конвоемъ взвода, коимъ командовалъ тотъ же Лелевскій.

Хотя по виду во Владивостокѣ и было спокойно, но собравшаяся толпа праздношатающихся солдатъ и матросовъ пыталась арестованныхъ отбить. Но съ Лелевскимъ шутки были плохи — онъ пригрозилъ стрѣлять; винтовки были заряжены. Это приказаніе несомнѣнно было бы исполнено. Ругаясь и галдя, толпа разошлась.

Возвратившуюся команду я повысилъ въ статьяхъ и званіяхъ, что было превышеніемъ власти, а Лелевскаго представилъ къ очередной наградѣ, которую онъ впослѣдствіи получилъ. Мое же производство нижнихъ чиновъ было Адмираломъ утверждено.

Далѣе все пошло по расписанію — по утрамъ ученіе и занятія, а послѣ трехъ часовъ собесѣдованія съ командами. Сколько возможно мы (офицеры) старались противодѣйствовать революціонерамъ и газетной шантрапѣ.

Однажды я предложилъ командѣ пригласить на собесѣдованіе редактора мѣстной революціонной газетки и обѣщалъ при нихъ поспорить съ нимъ. Послѣдній сказалъ: «Вашъ пиратъ меня повѣситъ, а вы его не выдадите», и на отрѣзъ отказался вступить на палубу «разбойничьяго корабля».

Долго хохотала наша команда надъ храбростью бѣднаго редактора. Его отказъ много мнѣ помогъ въ моей пропагандѣ противъ революціи.

Продолжали прибывать плѣнные изъ Японіи, главнымъ образомъ на п/х Д. Ф. «Тамбовъ» (ком-ръ Н. И. Паттонъ, братъ И. И. Паттона).

Съ «Аскольда» и прибывшаго изъ Австраліи «Жемчуга» почти вся команда, какъ отслужившая свой срокъ была уволена. Попрежнему «Шилка» и Отрядъ оставались цѣннымъ призомъ для революціонеровъ.

Прибылъ изъ плѣна и Адм. Рожественскій, о чемъ я узналъ только, когда мнѣ было сообщено, что Адмиралъ желаетъ меня видѣть. Принялъ меня онъ очень любезно. Онъ похудѣлъ и былъ съ черной перевязкой на головѣ. Откуда то онъ зналъ о моихъ злоключеніяхъ и, посовѣтовавъ мнѣ продолжать поступать по прежнему не бояться начальства и обѣщалъ полную со своей стороны мнѣ поддержку. «Я все же пока Генералъ-Адъютантъ Государя», добавилъ онъ. «И всегда буду на Вашей сторонѣ».

Откровенно говоря я не понялъ, что собственно мнѣ угрожаетъ и чѣмъ Адмиралъ могъ быть мнѣ полезенъ. Рожественскаго я зналъ еще въ бытность его старшимъ офицеромъ «Герцога Эдибургскаго» и съ тѣхъ поръ онъ всегда мнѣ благоволилъ. Послѣ этого свиданія я его больше не видѣлъ, такъ какъ вскорѣ въ Петербургѣ онъ скончался.

Пока я былъ въ плаваніи, кн. Трубецкой съ разрѣшенія Ком-щаго Сибирской флотиліей К. Адм. Греве уѣхалъ въ Россію, сдавъ «Сома» своему помощнику. Это вышло не похоже на кн. Трубецкого.

По правдѣ говоря, я пожалѣлъ объ этомъ, ибо онъ могъ бы мнѣ много помочь въ это тяжелое для меня время.

Ст. машин. у. оф. п/л. «Сомъ» Алексѣевъ подалъ на меня жалобу, заключающуюся въ томъ, что я якобы раздулъ рапортъ Трубецкого о встрѣчѣ съ японскими крейсерами и вернулъ полученный имъ георгіевскій крестъ (остальные крестовъ не вернули).

Я уже описалъ, какъ эта «встрѣча» произошла. Назначен-

ное слѣдствіе ничего новаго не выяснило и жалоба была оставлена безъ послѣдствій.

Этотъ Алексѣевъ былъ единственнымъ революціонеромъ на отрядѣ и единственнымъ посѣщавшимъ тайно засѣданія совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. На нашихъ собесѣдованіяхъ Алексѣевъ никогда не присутствовалъ.

За это время изъ Россіи до насъ никакихъ извѣстій не доходило.

Мы перешли на зимнее положеніе: «Шилка» стала на бочку и швартовы къ порту, а лодки ошвартовались у Эгершельда. Я жилъ на «Шилкѣ» и ѣздилъ въ отрядную канцелярію по мѣрѣ надобности.

Въ городѣ было очень безпокойно, постоянные митинги устраивались невдалекѣ отъ «Шилки», на площади передъ Сибирскимъ Экипажемъ. Главными заправилами были — военный докторъ, фамилія котораго была Волькенштейнъ, его жена, Кап. Инжен. войскъ Петровскій и кандидатъ на классный чинъ Шперъ. Революціонный штабъ былъ сосредоточенъ въ клубѣ Общества «Эсперантистовъ», почти всѣ члены котораго были «красные», предсѣдателемъ общества былъ Подполк. Инж. войскъ Постниковъ.

Когда пришло извѣстіе о назначеніи во Владивостокъ Ген. Мищенко, Постниковъ и Петровскій бѣжали въ Америку. Ген. Казбекъ былъ убранъ, вмѣсто него былъ назначенъ Ген. Селивановъ. Мы были рады его назначенію — надоѣли непрекращающіяся безобразія. Команды военныя и морскія были распущены до нельзя, по ночамъ охотились за офицерами. Охотились и на меня, но не какъ на командира «разбойничьяго гнѣзда», а какъ на офицера. Никому никогда не было извѣстно когда я съѣзжаю на берегъ.

Однажды я былъ свидѣтелемъ, какъ Кап. 2 ранга К. В. Стеценко разносилъ огромнаго солдата, который казался еще больше въ своей громадной папахѣ. К. В. всталъ на ступеньку магазина Кунстъ и Альберта и размахивалъ своимъ кулачкомъ (онъ очень небольшого роста) передъ носомъ колоса. Тотъ, усмѣхаясь, не хотѣлъ приложить руки для отданія чести. Я съ Лейт. Завойко во время подошли. Стеценко стоялъ къ намъ спиной и насъ не видѣлъ. Завойко — крупный человѣкъ — сдѣлалъ такую свирѣпую рожу, да и я то же, что солдатъ не выдержалъ и взялъ подъ козырекъ. К. В., удовлетворенный, пошелъ дальше, такъ насъ и не увидѣлъ. Въ такомъ небольшомъ тѣлѣ былъ крѣпкій духъ и большая храбрость.

Пріѣхавшій Селивановъ, съ которымъ прибыла сотня Забайкальскихъ казаковъ, принялъ крутыя мѣры. Онъ собралъ всѣхъ начальниковъ частей и сказалъ намъ рѣчь, настоящую рѣчь военнаго человѣка и генерала. Сказалъ онъ, что онъ уже старъ, пожилъ и жизнью своей не Богъ вѣсть какъ дорожитъ, а потому приметъ рѣшительныя мѣры противъ существующаго во Владивостокѣ безобразія. Дѣйствительно, сразу и началось. Все это было уже послѣ Рождества около Новаго Года. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ былъ распущенъ. Митингъ протеста былъ разогнанъ силой, было несколько убитыхъ.

Передъ этимъ митингомъ, экипажъ прислалъ по льду на «Шилку» делегацію съ требованіемъ присоединиться къ этому митингу, но наша команда не допустила ихъ на судно, угрожая примѣнить пулеметы. Мы имѣли 4 пулемета на борту, правда ленты къ нимъ хранились въ патронныхъ погребахъ. Нѣсколько разъ мои люди просили позволенія снять выстрѣломъ изъ винтовки Шпера, когда онъ, стоя на столѣ, ораторствовалъ передъ толпой, на площади недалеко отъ «Шилки» но я, конечно, не разрѣшилъ.

Команда на батареѣ Эгершельда предъявила Ген. Селиванову какой то ультиматумъ, какой не знаю, но думаю, что относительно возстановленія совѣта депутатовъ.

Селивановъ лично поѣхалъ на батарею. Оставивъ коляску внизу, сталъ подниматься наверхъ. По немъ былъ открытъ пулеметный огонь и онъ былъ тяжело раненъ въ шею и въ животъ — пуля застряла въ печени. Онъ нашелъ въ себѣ силы спуститься внизъ, сѣлъ въ коляску и только тогда потерялъ сознаніе.

Раненіе Генерала окрылило революціонеровъ, — въ первую же ночь было убито и ранено до 40 казаковъ.

Вызвавшій меня Адм. Греве приказалъ послать отъ команды «Шилки» делегатовъ въ совѣтъ. Я отказался на томъ основаніи, что сама команда этого не желаетъ и сказалъ, что пошлю только въ томъ случаѣ, если получу на это письменное предписаніе. Греве промолчалъ, но послѣ полудня на мачтѣ портового управленія былъ поднятъ сигналъ, требующій посылки делегатовъ въ совѣтъ, который я приказалъ, конечно, внести въ вахтенный журналъ.

Команда выбрала самаго глупаго матроса, потому что — «онъ человѣкъ не опасный». Отъ отряда пошелъ туда Алексѣевъ, но онъ ходилъ туда и раньше.

Я же подалъ рапортъ объ отставкѣ и просилъ на основаніи

закона, немедленно уволить меня въ отпускъ до выхода приказа объ отставкѣ.

А. И. Зеленый былъ назначенъ командиромъ «Шилки», а Лейт. Бѣлкинъ (по старшинству) нач-комъ отряда.

Я быстро былъ удовлетворенъ всѣми видами довольствія, какъ и прогонными, сдалъ «Шилку» и отрядъ и съѣхалъ послѣ прощальнаго обѣда. Прощаніе съ командой было очень трогательнымъ. Отъ команды я получилъ серебряный вызолоченный портсигаръ.

Подчеркиваю все это, чтобы сказать, что команду не трудно было держать въ рукахъ, въ сущности они были хорошіе люди, но только темные. Наши собесѣдованія имѣли на нихъ несомнѣнно благотворное вліяніе. Той же системы я держался и впослѣдствіи во время безпорядковъ на Минномъ и Артиллерійскомъ Отрядахъ и во время революціи послѣ Великой войны, всегда съ неизмѣннымъ и несомнѣннымъ успѣхомъ, до тѣхъ поръ, пока революціонный комитетъ подъ угрозой разстрѣла не запретилъ мнѣ разговаривать съ командой и люди это цѣнили, когда мнѣ пришлось уѣхать изъ Одессы гдѣ я командовалъ отрядомъ, въ Константинополь, они заботились о моей оставшейся семьѣ.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Такъ какъ меня на берегу искали, чтобы арестовать, о чемъ я былъ предупрежденъ своими людьми, то я переодѣвшись въ штатское платье, переѣхалъ на «Тамбовъ», уходившій съ запасными въ Нагасаки, и по пути былъ обстрѣлянъ съ п/х «Лена». Команда перенесла мои вещи на пароходъ и никто никому не обмолвился и словомъ о моемъ пребываніи на немъ.

Какъ я узналъ потомъ, порядокъ во Владивостокѣ былъ возстановленъ Ген. Мищенко.

На «Тамбовѣ» ушелъ и Ген. Селивановъ. Увезти его было очень трудно, его стерегли, чтобъ арестовать и предать «революціонному суду».

Все обошлось удачно благодаря находчивости и распорядительности командира Н. И. Паттона.

Когда раненаго генерала ночью привезли на пароходъ, его вмѣстѣ съ фельдшеромъ, сестрой милосердія и еще съ кѣмъ то заперли въ нѣсколькихъ каютахъ. Ручки дверей были сняты и двери закрашены. Онъ и его свита были буквально замурованы.

Прибывшіе «выборные» отъ совѣта его не нашли, меня же просто прозѣвали или вѣрнѣе, не узнали. Благодаря какой то инфекціи мое лицо распухло до неузнаваемости. Вскорѣ по выходѣ въ море все прошло.

Прибытіе и «замуровываніе» Ген. Селиванова было произведено такъ скрытно что даже я ничего объ этомъ не зналъ, знали только кромѣ капитана, старшій помощникъ, боцманъ и плотникъ.

Возвращаясь, я считалъ, что служить и плавать больше не придется, поэтому не торопился. Пожилъ въ Шанхаѣ, пожилъ въ Гонконгѣ, пожилъ въ Александріи (съѣхавъ въ Суецѣ) и черезъ Одессу прибылъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ узналъ, что о моей отставкѣ извѣстно, но что рапортъ еще не полученъ. Я проѣхалъ въ Кронштадтъ, гдѣ явился по начальству.

Черезъ нѣсколько дней я былъ вызванъ телеграммой къ Морскому Министру Адмиралу Бирилеву.

Спѣшно поѣхалъ. Доложился и сейчасъ же былъ принятъ. Вхожу въ кабинетъ. Въ дальнемъ углу у окна за письменнымъ столомъ сидитъ адмиралъ. «Заприте двери на ключъ». Запираю, а самъ думаю, что ужъ не бить-ли меня собирается Морской Министръ.

Я очень хорошо зналъ Адмирала Бирилева (а онъ меня), а потому болѣе подробно остановлюсь на этой аудіенціи въ біографіи Бирилева, которую собираюсь написать не по документамъ, а по воспоминаніямъ.

Адмиралъ меня выругалъ основательно за долгую ѣзду изъ Владивостока. «Вы, — говоритъ, — заставили всѣмъ врать, что я прошенія Вашего не получилъ, а оно у меня въ столѣ уже третью недѣлю лежитъ. Вотъ оно!»

Достаетъ прошеніе и рветъ его на куски: «Вотъ чего оно заслуживаетъ. Адмиралъ Греве здѣсь, все мнѣ разсказалъ (вѣроятно Греве его привезъ съ собой и передалъ Министру). Я бы на Вашемъ мѣстѣ тоже подалъ бы въ отставку; поэтому, Вы видите, я его разорвалъ. Такіе офицеры нужны».

Тутъ я вспомнилъ свою сокровенную обиду, что Адм. Греве ни одного момента не уговаривалъ меня взять прошеніе обратно, а даже какъ будто обрадовался избавиться отъ меня поскорѣе. На это Бирилевъ говоритъ: «Да вѣдь онъ объ Васъ думалъ, боялся, что Вы доиграетесь тамъ до плохого конца. Да, впрочемъ онъ Вамъ все это самъ разскажетъ, онъ сейчасъ здѣсь будетъ. Самое главное для Васъ то что Адм. Греве не приказывалъ поднимать того сигнала о посылкѣ депутатовъ; это было сдѣлано штабными сигнальщиками безъ его вѣдома».

Я вышелъ отъ Министра и ждалъ еще минутъ десять, когда пріѣхалъ Греве. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ и куда-то торопился, а вызванъ былъ Министромъ, чтобы поговорить со мною. «Поѣдемте вмѣстѣ, по дорогѣ я Вамъ все разскажу», и онъ ска-

залъ мнѣ все то, что говорилъ Министръ. Я уже не сталъ допытываться, откуда онъ узналъ, что былъ поднять сигналъ, вѣдь я въ моемъ прошенiи о немъ не писалъ. Въ общемъ мы примирились и разстались по хорошему.

Больше я Адм. Греве не встрѣчалъ.

Вскорѣ послѣ прибытiи въ Петербургъ, я представлялся Государю Императору въ Царскосельскомъ Дворцѣ, гдѣ доложилъ ему въ краткихъ словахъ о дѣятельности подводныхъ лодокъ во Владивостокѣ. Передъ представленiемъ Государю, я былъ принятъ Государыней Императрицей. Здѣсь я встрѣтилъ такую освѣдомленность обо всемъ, происходившемъ во Владивостокѣ, что былъ совершенно пораженъ, правда, Лейт. Кн. Трубецкой представлялся ей ранѣе меня; но всетаки не все она могла узнать отъ него. Видно было, что Императрица вникала самымъ подробнымъ образомъ во всѣ мелочи. По ея вопросамъ ясно было насколько она понимала теорiю подводнаго плаванiя.

Послѣсловiе.

Прошу читателей извинить меня, если я кое-что перепуталъ изъ-за датъ, но за факты я ручаюсь. Я могъ ошибиться въ послѣдовательности того или иного случая.

Только въ Нагасаки я узналъ изъ газеты «Кронштадтскiй Вѣстникъ», что я уже давно Капитанъ 2 ранга и что я награжденъ Орденомъ Св. Владимiра съ мечами и бантомъ.

Е. ПИКОВЪ

Перевелъ со шведскаго **Г. Графъ.**

"НАШИ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ НА РУССКОМЪ ФЛОТѢ"

Офицеры финскаго происхожденія въ Русскомъ Флотѣ 1808 — 1918 гг.

(Окончаніе)

III. Флотилія на Бѣломъ и Каспійскомъ моряхъ, Аральскомъ озерѣ и рѣкѣ Амурѣ.

Кромѣ флотовъ Балтійскаго и Черныхъ морей и Тихаго океана, еще имѣлись четыре меньшихъ морскихъ формацій.

Самой старинной морской станціей Россіи являлся Архангельскъ, гдѣ были запасы большихъ стволовъ лиственницы и сосны для постройки кораблей. Но съ переходомъ на желѣзное судостроеніе, въ 19-омъ столѣтіи, дѣятельность тамъ прекратилась.

Въ связи съ тѣмъ, что тамъ находились верфи, обычно въ Архангельскѣ станціонировали нѣсколько мелкихъ судовъ, которыя совершали плаванія на сѣверъ и востокъ. Послѣ прекращенія тамъ судостроенія, всѣ корабли были переведены въ Кронштадтъ.

Каспійская флотилія была организована для защиты морского транспорта отъ туркменскихъ пиратовъ и состояла изъ нѣсколькихъ сторожевыхъ судовъ и миноносцевъ. Вообще же корабли флотиліи занимались, главнымъ образомъ, съемкой.

Аральская флотилія была организована въ связи съ Туркестанскимъ походомъ и ея задачей было поддерживать войска и всячески помогать имъ. Въ 1883 г. она была признана ненужной.

Ввиду того, что Амуръ сталъ русскимъ до границы съ Китаемъ, явилось необходимымъ, для защиты границы, кромѣ су-

хопутныхъ частей, держать на рѣкѣ суда. Они должны были охранять разстояніе не меньше 4000 кил.

Ко времени Міровой войны, Амурская флотилія состояла почти изъ тридцати легкихъ патрульныхъ судовъ.

IV. Русско-Американская Торговая Компанія.

Въ 1784 г. купцомъ Шелиховымъ было организовано предпріятіе, которое, впослѣдствіи, получило вышеуказанное названіе и обнимало огромную площадь островныхъ группъ между Азіей и Сѣверо-Американскимъ материкомъ (Курильскіе, Алеутскіе, Кадіакъ, Ситка, Комодорскіе, Прибылова, полуостровъ Аляска, Атуя (одинъ изъ Сандвичевыхъ острововъ) и Фортъ Россъ (на американскомъ материкѣ, близко отъ нынѣшняго Санъ-Франциско). Компанія вела охоту на выдръ, которыхъ въ то время было огромное количество, а затѣмъ и на китовъ. Величина предпріятія лучше всего характеризуется тѣмъ, что компанія обладала нѣсколькими десятками судовъ, которыя поддерживали сообщеніе между базами компаніи и европейскими и американскими портами.

Компанія была подъ контролемъ русскаго правительства и главный директоръ назначался имъ. Среди нихъ были два капитана I ранга Этолены и адмиралы Ельфсбергъ и Фюрюгельмъ. Многіе частные служащіе были тоже изъ Финляндіи, среди нихъ пасторъ Уно Сигнеусъ, горный инженеръ Фюрюгельмъ и два доктора Франкенгаузеръ; было также изъ Финляндіи нѣкоторое число рабочихъ, какъ то бочаровъ, слесарей и т. д.

Компанія была ликвидирована въ 1867 г., когда Аляска была продана **Соединеннымъ Штатамъ Америки, за — 7.200.000** долларовъ.

Нѣкоторые изъ судовъ Компаніи строились въ Або, какъ то «Наслѣдникъ Александръ» (300 т., 1840), «Ситка» (470 т., 1846 г.) и «Атка» (450 т., 1847 г.); остальныя были куплены въ Бременѣ или Нью-Іоркѣ. Капитаны на нихъ, почти, отъ начала и до конца, были изъ Финляндіи; здѣсь мы встрѣчаемъ имена — Крогіусъ, Юселіусъ, Офтердингеръ, Конради и мн. др.

На судахъ привозилось изъ Европы все необходимое Компаніи, начиная съ муки и соли. Обратными рейсами они грузились мѣхами, китовымъ усомъ и жиромъ, иногда чаемъ изъ Шанхая. Компаніей транспортировался въ различные пункты западнаго американскаго берега, лѣсъ, уголь и ледъ.

Компанія была коммерчески связана съ основаннымъ въ 1850 г. въ Або, предпріятіемъ, подъ названіемъ — «Финско-

Русское Китоловное Общество». Это Общество заказало въ Або суда: «Графъ Бергъ», «Турку», «Амуръ» и «Константинъ», которыя были приспособлены для китоловной службы. Среди ихъ капитановъ были — Энгбергъ, Седерблумъ, Михельсонъ, Брунстремъ и Линдхольмъ. Охота на китовъ производилась въ лѣтнее время въ Охотскомъ морѣ; на зиму китоловы уходили на этихъ судахъ въ Южное полушаріе. По окончаніи сезоновъ ловли они, обычно, проводили нѣсколько мѣсяцевъ на одномъ изъ Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ растапливали китовый жиръ и корабли вооружались къ слѣдующей кампаніи.

Очевидно, что всѣмъ капитанамъ этихъ пароходовъ приходилось переживать много всякихъ приключеній и трудностей, выполняя свою тяжелую работу. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ достаточнаго біографическаго матеріала о нихъ, онъ долженъ быть совсѣмъ пропущенъ.

V. Первый Финскій Морской Экипажъ.

Въ 1830 г. былъ основанъ 1-ый Финскій Морской Экипажъ, вмѣсто шести распущенныхъ рекрутскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Экипажъ состоялъ изъ рекрутовъ и въ началѣ помѣщался въ Свеаборгѣ. Позднѣе для него были построены казармы на Скатуденѣ, въ Гельсингфорсѣ.

Командиръ и третья часть офицеровъ, въ началѣ, избиралась изъ русскаго флота, преимущественно изъ соотечественниковъ и тѣхъ, которые знали финскій языкъ, остальные брались изъ коммерческаго флота. Въ строевомъ отношеніи Экипажъ подчинялся старшему флагману, той части русскаго флота, которая станціонировала въ Финляндіи, но снабжался и содержался онъ финскими властями. Расходы на жалованія, провіантъ, снабженіе и т. д. составляли, согласно штатамъ, сумму въ 333.517 рублей и бралась эта сумма изъ милиціоннаго фонда.

Необходимые корабли, снабженные во всѣхъ отношеніяхъ, получались отъ русскаго Морского Министерства: командовалъ ими Командиръ Экипажа. Сначала это были нѣкоторые большіе парусные корабли, среди нихъ линейные корабли: «Полтава», «Бородино», «Лейпцигъ», «Прохоръ», «Орелъ», всѣ 84-74 пушечные. Лѣтомъ 1859 г. былъ данъ винтовой корветъ «Калевала» и 34 канонерки, которыя, ввиду слуховъ о войнѣ, были вооружены.

Въ 1860 г. были даны 6 винтовыхъ лодокъ, которыми были протралены многіе новые фарватеры.

Въ концѣ 1861 г. составъ Экипажа сократился до 4 офице-

ровъ и 129 нижнихъ чиновъ и въ январѣ 1862 г. экипажъ былъ преобразованъ въ кадровый экипажъ.

Въ 1864 г. составлена такъ называемая Пейенская эскадра, которая комплектовалась кадровымъ экипажемъ. Она состояла изъ пароходовъ: «Великій Князь Алексѣй» (командиръ Карлъ Каяндеръ, а потомъ Юліусъ Титцъ) и «Великій Князь Владиміръ» (командиръ Фридрихъ фонъ Шанцъ), на озерѣ Нэси, паровыхъ шлюповъ «Удача» и «Стрѣла», деревянныхъ шлашкоутовъ «Гиппопотамъ» и «Сивучъ» и двухъ желѣзныхъ баржъ.

Въ Финскомъ заливѣ, въ распоряженіе экипажа, находились канонерки «Зыбь» и «Трескъ».

Экипажъ былъ расформированъ въ 1878 г., когда вошелъ въ силу законъ о воинской повинности.

Экипажными командирами были: 1830-31 Николай Посьетъ, 1831-35 Василій Румянцевъ, 1835-43 Маркизъ Александръ де Траверзе, 1844-55 Фридрихъ Нордманъ, 1855-63 Антонъ Шеель, 1863-78 Леопольдъ Топеліусъ и 1878-80 Густавъ Федерлей.

Въ началѣ 1854 г. былъ созданъ 2-ой Финскій Экипажъ, но онъ былъ уже расформированъ въ апрѣлѣ 1856 г.

Вышеназванный паровой корветъ «Калевала», былъ единственный военный корабль, который въ русскій періодъ, былъ построенъ на финскія государственныя средства. Онъ былъ построенъ въ 1858 г. въ Або, согласно чертежамъ адмирала фонъ-Шанца. Его размѣры были — длина 166 футъ, ширина 15½ футъ и водоизмѣщеніе 1.290 тоннъ. Машина 250 л. с., ходъ 10½ узловъ. Вооруженіе состояло изъ 15 пушекъ. Экипажъ состоялъ изъ одного штабъ-офицера (капитанъ-лейтенантъ баронъ Карпеланъ) 11 — оберъ-офицеровъ и 207 матросовъ.

«Калевала» состоялъ въ Финляндскомъ Экипажѣ только лѣтомъ 1859 г. Затѣмъ въ 1860 г. онъ былъ «одолженъ» русскимъ, которые его немедленно послали на Дальній Востокъ, откуда онъ вернулся въ 1865 г. Въ 1872 г. онъ вышелъ изъ строя.

VI. Лоція въ Финляндіи.

Лоцманское Управленіе въ новой Финляндіи, послѣ 1809 г., продолжало вести также работу, какъ вело и прежде, главнымъ образомъ согласно шведскому регламенту 1696 г. и новому отъ 1812 г. Лоція Выборгской губ. продолжала находиться подъ непосредственнымъ руководствомъ Морского Министерства до 1857 г., когда вся лоція страны была передана Главному Управленію Лоціи и Маяковъ въ Финляндіи.

Лоцманское дѣло имѣло отвѣтственную задачу наносить на карты и обставлять фарватеры вдоль всего нашего берега. Надо отдать справедливость, что работа выполнялась очень похвально.

Лоцманская часть обслуживалась, естественно, уроженцами береговой полосы, частью капитанами торговаго флота, частью офицерами русскаго флота. Такъ шло дѣло до марта 1912 г., когда весь персоналъ лоцманской части былъ уволенъ въ отставку за отказъ подчиниться руссификаціи. Тогда были уволены всего 14 офицеровъ и 6 частныхъ служащихъ; осталось только 6 офицеровъ. Такимъ образомъ освободившіеся вакансіи были частью заняты офицерами русскаго флота, просто командированными туда, частью лицами, которые лишь въ личныхъ интересахъ предложили свои услуги власть имущимъ. 1917 годъ, годъ большой чистки, вымелъ этихъ пришельцевъ, и незаконно уволеннымъ въ 1912 г. было предложено занять свои прежнія мѣста, которыя были въ большинствѣ случаевъ ими заняты.

VII. Прохожденіе службы.

То обученіе, которое русскимъ Правительствомъ предлагалось будущимъ морякамъ, было довольно плохо поставлено.

Для многихъ школьное обученіе начиналось съ того, что съ младшаго возраста они поступали въ такъ называемый Александровскій кадетскій корпусъ, созданный, въ сущности, чтобы подготовлять будущихъ сухопутныхъ офицеровъ, но онъ имѣлъ подготовительное къ морскому кадетскому корпусу, отдѣленіе, т. н. морскую роту. Вступительнымъ возрастомъ былъ семилѣтній. Въ морской ротѣ, сравнительно, было не мало молодежи изъ Балтики и Финляндіи; мы не ошибемся, если скажемъ, что многіе изъ нихъ при поступленіи не знали ни слова по русски. Рота была упразднена въ 1859 году.

Съ 9 лѣтъ можно было быть принятымъ въ морской кадетскій корпусъ. Корпусъ существовалъ съ незапамятныхъ временъ, съ 1701 года, и за это время въ немъ произошло много перемѣнъ, но обычно въ немъ было — два-три подготовительныхъ класса, три общихъ и три спеціальныхъ. Старшій классъ назывался гардемаринскимъ; но это, въ сущности было только названіе и не соотвѣтствовало службѣ, которую несли воспитанники этого класса. Однако временами это соотвѣтствовало и службѣ. Такъ напримѣръ въ 1906 г. было рѣшено, что гардемарины, послѣ окончанія корпуса, и до производства въ мичма-

ны, должны совершить двѣ заграничныхъ и двѣ внутреннихъ кампаніи, но, правда, при этомъ они уже назывались «корабельными гардемаринами».

Въ Морской Кадетскій Корпусъ принимались только сыновья офицеровъ и потомственныхъ дворянъ; эта привилегія была отмѣнена въ 1913 году. Высочайшимъ рескриптомъ отъ 20 марта 1867 г. предписывалось, чтобы двѣ вакансіи, въ каждомъ выпускѣ, оплачивалась изъ финской казны.

Съ полученіемъ чина мичмана становились офицерами. Оберъ-офицерскихъ чиновъ было три: мичманъ, лейтенантъ и старшій лейтенантъ. Штабъ-офицерскихъ чиновъ было тоже три: капитанъ-лейтенантъ, капитанъ 2-го ранга и капитанъ 1-го ранга. Адмиральскихъ чиновъ было тоже три: контръ-адмиралъ, вице-адмиралъ и адмиралъ.

Капитанъ — лейтенантскій чинъ былъ упраздненъ въ теченіи промежутка между 1885-1907 годами; тоже самое было и съ чиномъ старшаго лейтенанта. Въ эти времена производились непосредственно изъ лейтенантовъ въ капитаны 2 ранга. Ввидѣ нѣкоторой компенсаціи было предписано 50 старшимъ по производству лейтенантамъ (всего было ихъ приблизительно 600) выдавать повышенное содержаніе.

Въ 1872 г. въ г. Николаевѣ (на Черномъ морѣ) была учреждена Морская юнкерская школа; воспитанники считались тоже гардемаринами. Въ годы 1856-62 существовала Морская юнкерская школа въ Петербургѣ, н обыла упразднена за недостаткомъ средствъ.

Для полученія высшаго образованія, для молодыхъ людей была возможность, послѣ пребыванія нѣсколько лѣтъ въ мичманскомъ чинѣ, поступать въ офицерскіе классы Морского Кадетскаго Корпуса, учрежденные въ 1827 г., съ годичнымъ курсомъ. Большія техническія нововведѣнія 19 столѣтія, давшие — паръ, мины, броню и тяжелыя орудія, сразу доказали недостаточность этихъ классовъ. Поэтому въ 1850 г. была измѣнена ихъ программа, въ болѣе практическомъ направленіи, и въ 1862 году классы были преобразованы въ Морскую Академію, которая имѣла три двугодичныхъ факультета — гидрографическій, механическій и кораблестроительный. Въ 1896 г. было создано отдѣленіе для военныхъ наукъ. Спеціальнаго артиллерійскаго факультета не было и слушатели командировались въ Михайловскую Артиллерійскую Академію.

Затѣмъ выяснилась необходимость все большей спеціализаціи, по различнымъ родамъ оружія. Поэтому, въ 1867 г. было издано распоряженіе о созданіи учебнаго артиллерійскаго ко-

рабля, который, съ теченіемъ времени, былъ замѣненъ цѣлымъ Учебно-Артиллерійскимъ отрядомъ. Въ 1869 г. открылась Артиллерійская школа, для подготовки комендоровъ, а въ 1876 г. минная. Затѣмъ были созданы: Водолазная школа и школа Подводнаго плаванія. Окончившіе эти школы офицеры получали соотвѣтствующія званія — спеціалистовъ 2-го разряда, а черезъ извѣстное время зачислялись въ спеціалисты 1-го разряда.

Кромѣ того представлялась возможность продолжать образованіе при разныхъ академіяхъ: — военной, инженерной, артиллерійской, и военно-юридической, а также при Горномъ институтѣ.

Кромѣ строевыхъ офицеровъ на корабляхъ имѣлись и другія категоріи начальниковъ; ихъ можно для краткости назвать техниками. Ихъ подготовка велась въ спеціальныхъ морскихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ соотвѣтствіи съ гардемаринскимъ званіемъ въ Морскомъ когпусѣ, они назывались кондукторами и послѣ сдачи выпускного экзамена и полученія перваго чина, по спеціальностямъ, входили въ четыре корпуса: морской артиллеріи, штурманскій, кораблестроительный и инженеръ-механиковъ. Одно время они имѣли сухопутные чины, одно время гражданскіе чины.

Въ 1905 г., послѣ пораженія при Цусимѣ, произошли нѣкоторые измѣненія въ положеніи личнаго состава. Одно изъ нихъ заключалось въ томъ, что инженеръ-механики получили офицерскіе чины. Черезъ два года тоже самое было сдѣлано и по отношенію корабельныхъ инженеровъ.

Кромѣ того при Флотѣ существовалъ еще медицинскій корпусъ. Лекарямъ предписывалось, кромѣ заботъ о здоровьи экипажа на корабляхъ, дѣлать описанія посѣщаемыхъ, малоизвѣстныхъ, мѣстъ, на основаніи мѣстной литературы и собственныхъ наблюденій. Имѣется много цѣнныхъ, весьма детальныхъ, описаній сдѣланныхъ ими; такъ же нѣкоторые изъ нихъ составили интересныя зоологическія и ботаническія коллекціи.

Изъ нашихъ соотечественниковъ на русскомъ флотѣ были, главнымъ образомъ, строевые офицеры. Весьма ограниченное число ихъ было инженеръ-механиками или штурманами, и всего два или три лекарями.

Кн. Я. Тумановъ.

ПОРТУГАЛЕЦЪ

Посвящается бывш. редактору «Морскихъ Записокъ» — Сергѣю Владимировичу Гладкому.

Уже съ вечера, барометръ началъ сильно падать. Да и не мудрено, ибо это было въ февралѣ мѣсяцѣ, когда въ Сѣверномъ Атлантическомъ океанѣ, у испанскихъ и португальскихъ береговъ, бываетъ, обычно, не уютно и менѣе всего на свѣтѣ можно ожидать и требовать отъ Господа Бога благорастворенія воздуховъ.

Къ утру, были, уже, на лицо, всѣ признаки надвигающагося шторма: небо нахлобучилось низкими, свинцоваго цвѣта, тучами, горизонтъ скрывался въ туманѣ и отъ норд-веста шла крупная зыбь, на которую, нехотя, всползалъ туповатый носъ «Хивинца», чтобы бухнуться, затѣмъ, въ пропасть, уйдя въ воду по самые клюзы.

Послѣ подъема флага, когда начались уже перебои и вылѣзающіе наружу винты сотрясали, въ быстромъ вращеніи, весь корпусъ корабля, командиръ зашелъ въ штурманскую рубку, и, подойдя къ висѣвшему на стѣнѣ барометру-анероиду, стукнулъ по немъ костяшкой средняго пальца. Стрѣлка дернулась, и, чуть передвинулась еще ближе къ слову «штормъ», — она и такъ была уже недалеко отъ него. Тутъ же, въ рубкѣ, находился и штурманъ Лютеръ, что то колдовавшій, склонившись надъ картой.

— Мнѣ, барометръ, сегодня, опредѣленно не нравится, Викторъ Васильевичъ, — сказалъ командиръ, простуженнымъ голосомъ, своему штурману.

— Онъ мнѣ пересталъ нравиться уже со вчерашнего дня, Александръ Александровичъ, — отвѣтилъ штурманъ, не подымая головы, и, продолжая что-то мѣрить циркулемъ на картѣ.

— Повидимому, готовится серьезная завируха.

— Да ужъ, мордотыкъ будетъ форменный; зыбина то идетъ отъ норд-веста. И вѣтра еще нѣтъ, а вотъ она уже какая!

Точно въ подтвержденіе этихъ словъ, лодку сильно положило на правый бортъ, затѣмъ, палуба, подъ ногами бесѣдовавшихъ, сдѣлавъ какое-то круговое движеніе, наклонилась на носъ, и, корпусъ корабля затрясся отъ перебоевъ винтовъ. Было слышно, какъ въ камбузѣ, подъ мостикомъ, что то сорвалось и покатилось, громыхая, по палубѣ.

Командиръ подошелъ къ штурману и вмѣстѣ съ нимъ наклонился надъ картой.

— Гдѣ наше мѣсто? — спросилъ онъ.

Штурманъ поставилъ точку на тонкой прямой линіи, изображающей на картѣ курсъ корабля.

— Это — Лейшіосъ? — ткнулъ пальцемъ командиръ въ карту, въ береговую черту, противъ показаннаго ему мѣста лодки.

— Лейшіосъ.

— А ну-ка, смѣрьте, сколько до него миль?

Штурманъ раздвинулъ ножки циркуля, и, положивъ линейку, сталъ отмѣривать вдоль ея края.

— Пятнадцать.

— Ворочайте на Лейшіосъ; тамъ, переждемъ штормъ. Тише ѣдешь, — дальше будешь, — сказалъ командиръ, и, открывъ дверь, вышелъ изъ рубки на мостикъ. Слѣдомъ за нимъ, черезъ нѣкоторое время, вышелъ и штурманъ, и, держа въ рукѣ свою «колдовку» съ записаннымъ въ ней новымъ курсомъ, полѣзъ на площадку главнаго компаса. Тамъ, его обдалъ первый свѣжій порывъ вѣтра, чуть не сорвавъ съ него фуражку. Онъ опустилъ подбородочный ремень, и, нахлобучивъ фуражку по самыя уши, нагнулся надъ компасомъ.

— Право! — крикнулъ онъ, сверху, рулевому.

— Есть, право, — отвѣтилъ подъ нимъ, съ мостика, голосъ.

Застучала рулевая машинка, но носъ канонерки не сразу покатился вправо, точно не желая сворачивать съ налаженнаго еще съ вечера, наканунѣ, курса. Но вотъ, съ послѣднимъ стукомъ рулевой машинки, картушка компаса, на которую смотрѣлъ штурманъ, тронулась влѣво, сначала медленно, и, какъ бы нехотя, а затѣмъ, все быстрѣе и быстрѣе.

— Отводи! — закричалъ штурманъ, смотря въ компасный визиръ, и, видя, какъ мимо черты діаметральной плоскости мелькали градусы картушки.

— Есть, отводи.

— Такъ держать!

— Есть, такъ держать. Сто пятнадцать! — отвѣтилъ рулевой, сообщая показанiе путевого компаса.

Вынувъ часы, штурманъ замѣтилъ время и что то записалъ въ свою «колдовку», послѣ чего, приложивъ къ глазамъ висѣвшiй у него на шеѣ, на ремешкѣ, цейсовскiй бинокль, сталъ смотрѣть впередъ.

Впереди, въ разстоянiи какихъ нибудь трехъ миль, свинцовое небо уже сливалось съ такого же цвѣта моремъ. Вѣтеръ все свѣжѣлъ и на зыби появились тамъ и сямъ пѣнистые гребешки. Штурманъ спустился на ходовой мостикъ.

— Хорошенько впередъ смотрѣть, идемъ въ берегъ, — сказалъ онъ стоявшему на крылѣ мостика сигнальщику.

— Есть, хорошенько впередъ смотрѣть, — солидно отвѣтилъ сигнальный унтеръ-офицеръ, тономъ, точно хотѣлъ добавить, — и безъ тебя знаемъ, что надо хорошенько впередъ смотрѣть.

— Ну-съ, я пойду теперь, попью чайку, — сказалъ штурманъ ревизору, стоявшему на вахтѣ, и пошелъ внизъ.

Черезъ полъ-часа, онъ, снова, былъ на мостикѣ. Погода портилась съ каждой минутой. Несмотря на очень свѣжiй вѣтеръ, туманъ не разсѣивался и горизонтъ сузился еще больше. Командиръ, штурманъ, вахтенный начальникъ и сигнальщикъ, не отрывая отъ глазъ биноклей, смотрѣли впередъ, по курсу, гдѣ долженъ былъ открыться берегъ.

Прошло еще около получаса.

Вотъ, влѣво, въ штормовой мглѣ, появился силуетъ купеческаго парохода, черезъ нѣкоторое время — другого, и, сейчасъ же, слѣдомъ за нимъ — третьяго.

— Что это, сколько ихъ идетъ въ море въ такую погоду? — съ недоумѣнiемъ сказалъ ревизоръ, разглядывая силуеты купцовъ, съ носами, направленными въ сторону океана.

— Да никуда они не идутъ, а стоятъ на якорѣ, — отвѣтилъ штурманъ, глядя туда же, — мы подходимъ къ устью рѣки Дуро. Они, очевидно, ждутъ лоцмановъ для проводки ихъ черезъ баръ рѣки, въ Опорто.

Ревизоръ отвелъ бинокль отъ пароходовъ, и, взглянувъ впередъ, сейчасъ же крикнулъ тревожнымъ голосомъ:

— Буруны по курсу!

— Лѣво на бортъ! — почти одновременно съ возгласомъ ревизора скомандовалъ командиръ.

«Хивинецъ» покатился влѣво. Вправо, въ туманной дымкѣ, неясно бѣлѣла длинная полоса буруновъ. Носъ «Хивинца» еще катился влѣво, какъ туманная завѣса, на мгновенiе приподнялась

и показала, прямо по носу лодки, въ какой нибудь полумилѣ разстоянія, сѣрый молъ гавани. Это былъ Лейшіосъ.

Черезъ четверть часа, лодка уже стояла на якорѣ, на тихой водѣ, за молами Лейшіоса.

— Теперь, пусть себѣ свищетъ, сколько влѣзетъ, — сказалъ весело штурманъ, спускаясь съ мостика.

Гавань Лейшіоса, въ этотъ ненастный февральскій день, была полупустынна. Ошвартовавшись у каменныхъ моловъ, стояли три грузовыхъ парохода подъ англійскими флагами, судя по неопрятному виду, — угольщики, да неподалеку отъ «Хивинца», на якорѣ, кормой къ молу, подавъ на него кормовые швартовы, какая-то уродливая канонерская лодка, подъ португальскимъ флагомъ.

Когда въ «Хивинцѣ» просвистали «подвахтенные внизъ», оставшійся на вахтѣ минеръ, шагая по палубѣ, услышалъ, какъ на португальской лодкѣ заиграли какой то сигналъ и, черезъ нѣкоторое время, изъ за носа ея, показался пятивесельный вельботъ съ распашными веслами. На носу вельбота развѣвался длинный, узкій вымпелъ. На кормѣ, сильно откинувшись назадъ, сидѣла, правя рулемъ, фигура въ треуголкѣ. Развернувшись, вельботъ, медленно гребя, парадной греблей, съ длинными между гребками паузами, направился къ «Хивинцу».

Вахтенный начальникъ вышелъ на площадку трапа и, приложивъ бинокль къ глазамъ, разсмотрѣлъ на рукавахъ офицера, правящаго вельботомъ, два широкихъ и между ними одинъ узкій галуны.

— Что за чертовщина, — удивился минеръ: — никакъ самъ командиръ канонерки ѣдетъ поздравить съ приходомъ.

На то, что это былъ командиръ, указывалъ и вымпелъ, развѣвавшійся на носу вельбота.

— Караулъ наверхъ, четверо фалрепныхъ на правую! — скомандовалъ минеръ: — Вахтенный! Доложи старшему офицеру и командиру, что ѣдетъ съ визитомъ командиръ португальской лодки.

Встрѣтить визитера вышелъ старшій офицеръ.

Изъ приставшего къ трапу вельбота вышелъ высокій, худой морякъ въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. На гладко выбритомъ, смугломъ, съ оливковымъ оттѣнкомъ, лицѣ, съ крупнымъ носомъ, блестѣли, подъ густыми бровями, умные, черные глаза.

На груди вицъ-мундира висѣла пара какихъто экзотическихъ орденовъ.

Вступивъ на шканцы, онъ приложилъ руку въ бѣлой перчаткѣ къ треуголкѣ и, на довольно чистомъ французскомъ языкѣ, сбиваясь лишь на звукъ «ша» тамъ, гдѣ нужно было произносить «эс», онъ произнесъ стереотипную фразу поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ.

— Мой командиръ проситъ извинить его, — отвѣтилъ старшій офицеръ, выслушавъ прибывшаго и пожимая его руку, — что не вышелъ васъ встрѣтить и лишенъ возможности васъ принять. Онъ сильно простудился на походѣ и чувствуетъ себя нездоровымъ. Не пройдете ли вы въ каютъ-компанію?

Португалецъ, молча и церемонно поклонился и, предшествуемый старшимъ офицеромъ, направился въ каютъ-компанію, держа руку у треуголки, когда проходилъ мимо караула отдававшаго честь.

Въ каютъ-компаніи, были въ сборѣ всѣ офицеры, готовясь садиться за столъ, къ завтраку. Старшій офицеръ представилъ португальцу офицеровъ русской лодки, и, съ простотою привыкшаго къ обращенію съ иностранцами человѣка, сказалъ:

— Вмѣсто того, чтобы привѣтствовать Васъ традиціоннымъ бокаломъ шампанскаго, я предлагаю вамъ капитанъ, попросту остаться съ нами позавтракать, извинивъ насъ за скромность нашего стола. Мы — четвертый день въ морѣ. Вѣдь вы, навѣрное, еще не завтракали?

— Съ превеликимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ португалецъ, показывая, въ широкой улыбкѣ, рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ: — для меня, въ моемъ здѣсь тоскливомъ одиночествѣ, вашъ приходъ, — большая радость.

— Ну, вотъ и прекрасно, — радушно замѣтилъ старшій офицеръ: — вѣстовые, лишній приборъ! А вельботу вашему можетъ быть вы прикажете возвращаться къ себѣ. Когда вамъ надоѣстъ наше общество, мы васъ доставимъ на вашъ корабль, или куда вы пожелаете, на своей шлюпкѣ.

— Это очень любезно съ вашей стороны и, лишній разъ подтверждаетъ славу русскихъ моряковъ, какъ самыхъ гостепріимныхъ людей въ мірѣ, — замѣтилъ португалецъ и, знакомой ему уже дорогой, вышелъ изъ каютъ-компаніи, чтобы распорядиться своимъ вельботомъ.

— Валеріанъ Ивановичъ, — обратился къ старшему офицеру завѣдующій столомъ каютъ-компаніи артиллерійскій офицеръ Ивановъ, — не посадить ли рядомъ съ португальцемъ Виктора Васильевича?

— Не стоитъ. Его и Валерій Аполлинаріевичъ накачаетъ. Много ли португальцу нужно? Двѣ, три рюмки водки, стаканъ вина, да рюмка коньяку за кофе, и будетъ готовъ; можно грузить на шлюпку. Португальцы, это не шведы.

Когда гость вернулся въ каютъ-компанію, потирая руки, не то застудивъ ихъ на палубѣ, не то предвкушая вкусно позавтракать, на столѣ, по правую сторону отъ старшаго офицера, уже стоялъ для него приборъ, а завѣдующій столомъ успѣлъ распорядиться о добавочной закускѣ къ водкѣ.

Въ тѣ, далекія уже времена, къ которымъ относится нашъ правдивый разсказъ, коктейли только еще начинали входить въ моду, да и то лишь въ качествѣ дополнительной нагрузки, въ неурочное для ѣды время, но не какъ аперитивъ. На русскихъ корабляхъ, садясь за столъ, сразу приступали къ графинчику съ отечественной водкой и, даже, на корабляхъ Его Величества британскаго короля, передъ ѣдой, подавался традиціонный портвейнъ.

— Прошу, господа, къ столу, — сказалъ старшій офицеръ, указывая гостю мѣсто рядомъ съ собою. По другую сторону португальца сѣлъ докторъ.

— Вы знакомы съ этимъ напиткомъ? — спросилъ Валеріанъ Ивановичъ португальца, наливая ему рюмку водки.

— О, да, — улыбнулся гость, — это, если не ошибаюсь, водка. Я познакомился съ этимъ чудеснымъ напиткомъ еще будучи молодымъ офицеромъ. Хотя это было уже давно, но я едва-ли когда нибудь забуду приходъ къ намъ, въ Лиссабонъ, вашего корвета «Рында». Послѣ моего незабвеннаго визита на этотъ корабль, я былъ нездоровъ цѣлую недѣлю. О, это была серьезная и симпатичнѣйшая публика, на вашей «Рындѣ»...

Гость, ловко опрокинувъ рюмку водки въ ротъ, доказавъ, по своей манерѣ пить, что урокъ, полученный на «Рындѣ», много лѣтъ тому назадъ, имъ хорошо заученъ и не забытъ.

— А это, вотъ, русскій анчоусъ, — пояснилъ докторъ, предлагая гостю закусить зернсеновской килькой.

— Ваша лодка, если не ошибаюсь, называется «Лимпопо»? — спросилъ сидящій противъ гостя ревизоръ, вновь наполняя его рюмку и, чокаясь съ нимъ.

— Да, такъ зовутъ мою старушку, — отвѣтилъ португалецъ, выпивая съ ревизоромъ.

— Я уже не въ первый разъ встрѣчаюсь съ нею, — замѣтилъ ревизоръ, закусывая каламайской маслиной.

— Неужели? — удивился гость, скосивъ глазъ влѣво, и слѣдя какъ наливалъ его рюмку старшій офицеръ: — гдѣ же вы

съ ней встрѣчались? Она только недавно вернулась изъ нашихъ колоній въ юго-западной Африкѣ и давно уже не плавала въ европейскихъ водахъ.

— Вотъ, именно тамъ то я ее и видѣлъ. Это тоже уже старая исторія. Во время нашей войны съ Японіей, я шелъ на одномъ изъ кораблей эскадры адмирала Рожественскаго. И вотъ, заходимъ мы, огибая западные берега Африки, въ вашу бухту Great Fish Bay, чтобы погрузиться тамъ углемъ... Ваше здоровье... Попробуйте теперь этихъ маслинъ, они много выше испанскихъ; мы ихъ имѣемъ прямо съ ихъ родины, съ острова Каламата... Ну-съ, такъ вотъ, не успѣли еще подойти къ намъ наши угольщики, какъ откуда ни возьмись, появляется ваша старушка, впрочемъ, тогда она была помоложе, и командиръ ея ѣдетъ къ адмиралу Рожественскому и проситъ его убираться вонъ изъ вашихъ водъ и не нарушать нейтралитета Португаліи...

— Обождите, ревизоръ, у насъ водка стынетъ, — прервалъ его сидящій рядомъ съ нимъ штурманъ. Онъ потянулся черезъ столъ и чокнулся съ гостемъ. Гость выпилъ со штурманомъ и закусилъ шпротомъ.

— Какая вкусная рыбка, гораздо вкуснѣе сардинки, — сказалъ онъ, придвигая свою пустую рюмку къ доктору, кото-
[illegible] ъ графинчикомъ. — Ну, и что же дальше? — обратился онъ къ ревизору, явно заинтересованный его разсказомъ.

— А дальше? Дальше, пришлось намъ нарушить вашъ нейтралитетъ и мы простояли въ Great Fish Bay столько, сколько намъ было нужно и погрузились углемъ. A la guerre,, comme à la guerre... Ваше здоровье!

Гость, смѣясь, чокнулся и выпилъ съ ревизоромъ.

— И отлично сдѣлали, — сказалъ онъ. — Я не сомнѣваюсь, что мой далекій предшественникъ, такъ недружелюбно принявшій васъ въ Great Fish Bay, лишь исполнялъ свой долгъ, и что если бы это зависѣло отъ него, то онъ предложилъ бы вамъ оставаться въ нашей бухтѣ хоть цѣлый годъ и даже подѣлился бы съ вами своимъ углемъ. Я отлично помню это время, время вашей войны съ Японіей, и смѣю васъ увѣрить, что послѣ не джентльменскаго нападенія японцевъ на вашу портартурскую эскадру, безъ объявленія войны, всѣ симпатіи нашихъ моряковъ были на вашей сторонѣ.

Объемистый графинъ водки, быстро усыхая, усохъ до послѣдней капли. Хозяева смотрѣли на гостя со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія, восхищенія и даже нѣкотораго страха.

— Вотъ тебѣ и португалецъ! — тихо сказалъ артиллеристъ

своему сосѣду по столу Лейтенанту Чирикову. Подозвавъ буфетчика, онъ распорядился подать марсалу.

— Какъ вы находите эту марсалу? — спросилъ старшій офицеръ гостя, наливая ему, послѣ перваго блюда, объемистую рюмку: — меня, очень интересуетъ ваше компетентное мнѣніе, потому что мы веземъ съ собою большой запасъ этой марки.

Гость, съ видомъ знатока, посмотрѣлъ сначала на свѣтъ, какъ искрится сквозь кристалъ темное, съ золотистымъ оттѣнкомъ, вино, затѣмъ, медленно, отхлебнулъ глотокъ, и задумчиво, посмотрѣлъ куда-то вдаль.

— Марсала рѣшительно недурна, — произнесъ наконецъ, португалецъ, строго и трезво смотря на уже покраснѣвшее отъ водки со слегка затуманившимся взоромъ, лицо старшаго офицера: — въ прошломъ году, мнѣ довелось пить точно такую марсалу въ Неаполѣ, на итальянскомъ крейсерѣ «Варезе».

Гость допилъ свой бокалъ.

— Да я съ удовольствіемъ выпью еще стаканчикъ этого славнаго вина, — сказалъ онъ, пододвигая свой бокалъ доктору, потянувшемуся къ нему съ бутылкой.

Когда подали американскую солонину съ отварнымъ картофелемъ и хрѣномъ, съ марсалой было уже покончено. Артиллеристъ, подозвавъ буфетчика, сказалъ ему сердитымъ голосомъ:

— Тащи двѣ бутылки краснаго Бордо!

Когда португальцу налили въ бокалъ краснаго вина, онъ долго любовался рубиновымъ цвѣтомъ напитка и сказалъ, слегка прищуривъ свои темные глаза, ревизору:

— Какая прелестная комбинація этой солонины съ этимъ краснымъ виномъ! Вы не находите?

— О да, вы правы, — охотно согласился ревизоръ, ибо эта солонина была его гордостью. Съ тонкимъ слоемъ золотистаго жира, она по нѣжности и сочности, не уступала филейной вырѣзкѣ и хотя обходилась дороже свѣжаго мяса, отпускалась въ командный котелъ, наравнѣ со свѣжимъ мясомъ. «Хивинецъ», накопившій за долгое заграничное плаваніе солидныя экономическія суммы, могъ позволить себѣ эту роскошь.

— Ахъ, чортъ, вѣдь говорилъ я, что надо посадить рядомъ съ португальцемъ, Лютера, — замѣтилъ артиллеристъ своему сосѣду Чирикову: — а Валеріанъ Ивановичъ мнѣ говоритъ — много ли португальцу нужно, съ нимъ и докторъ справиться! Вотъ тебѣ и справился! Этакъ, мы всѣ насвищемся раньше гостя. Посмотрите на ревизора: онъ красенъ какъ буракъ, а докторъ начинаетъ уже икать.

Кофе перешли пить, вставъ изъ за стола, къ бутафорскому камину, у котораго стояли уютныя, глубокія кресла.

Ревизоръ щелкнулъ выключателемъ и въ каминѣ вспыхнули красныя электрическія лампочки, давая иллюзію горящихъ углей. Уютность этого уголка ощущалась еще отчетливѣе, при взглядѣ въ большіе, наглухо задраенные иллюминаторы каютъ-компаніи. Тамъ, снаружи, все было подернуто безнадежно сѣрыми тонами. По низкому, насупившемуся небу, штормовой вѣтеръ гналъ сѣрыя клочковатыя тучи; море имѣло такой же грязно-сѣрый оттѣнокъ, темнѣя тамъ, гдѣ пробѣгали шквалистые порывы; по толстому стеклу иллюминаторовъ струйками бѣжала дождевая вода.

У камина, на кругломъ ликерномъ столикѣ, стоялъ уже ассортиментъ бутылокъ самыхъ разнообразныхъ формъ, начиная отъ низкой и пузатой бутылки бенедиктина, и кончая высокимъ глинянымъ сосудомъ, съ короткимъ горлышкомъ, кюрасо. Рядомъ съ нимъ, искрились, при свѣтѣ камина, желтыми и блѣдно зелеными искрами, бутылки шартреза и немного въ сторонѣ, точно скромная сандрильона, конфузившаяся столь блестящаго общества, бокомъ, показывалъ свою этикетку мараскинъ. Еще дальше, конкурируя съ нимъ въ скромности, притаилась Шустовская запеканка Спотыкачъ. Въ противуположность имъ, шерри-бренди, какъ истый бриттъ, привыкшій въ международномъ обществѣ играть первую роль, стоялъ впереди всѣхъ. Тѣсно прижавшись къ нему, выпиралъ тоже впередъ, съ французской безцеремонностью, коньякъ бискви-дюбуше, точно хотѣлъ сказать — «ну, ужъ вы меня извините, господа, но я не позволю, чтобы меня затирали, какъ какой-нибудь Мартель-три звѣздочки». Онъ совершенно закрылъ собою бѣлую этикетку виски «Black and White», и можетъ быть именно поэтому, когда гостю подали дымящуюся чашку кофе и, очутившійся въ креслѣ, рядомъ съ нимъ, штурманъ Лютеръ спросилъ португальца, какой ликеръ онъ предпочитаетъ, этотъ, взглянувъ на ликерный столикъ, не сталъ разбираться въ международномъ обществѣ бутылокъ, и остановилъ свой выборъ на коньякѣ.

Выпивъ свою чашку кофе, старшій офицеръ поднялся и, моргнувъ незамѣтно для гостя глазомъ штурману, обратился къ португальцу:

— Вы меня извините, если я васъ оставлю на попеченіе м-сье Лютера, — мнѣ нужно сдѣлать кое какія распоряженія по службѣ и навѣстить моего больного капитана.

— О, Бога ради, не стѣсняйтесь моимъ присутствіемъ, — любезно отвѣтилъ гость: — мнѣ такъ пріятно у васъ сидѣть, но

я могу позволить себѣ злоупотреблять вашимъ гостепріимствомъ только въ томъ случаѣ, если вы не станете со мною церемониться. Прошу васъ передать мое почтеніе вашему капитану, пожеланіе скораго выздоровленія и мое глубокое сожалѣніе, что я не имѣлъ чести и удовольствія съ нимъ познакомиться.

Старшій офицеръ, не совсѣмъ твердыми шагами, вышелъ изъ кают-компаніи и прямохонько направился въ свою каюту. Снявъ ботинки и китель, онъ бухнулся въ койку и подмялъ подъ голову думку.

— Ахъ, песъ тебя задави, вотъ такъ португалецъ! — подумалъ онъ, чувствуя легкое головокруженіе. Черезъ минуту, онъ мирно посапывалъ носомъ.

Его примѣру, одинъ за другимъ, послѣдовало большинство офицеровъ, оставивъ гостя въ обществѣ штурмана и доктора.

Въ половинѣ перваго, смѣнившійся съ вахты минеръ Шестаковичъ засталъ гостя уютно развалившимся въ глубокомъ креслѣ, прихлебывая изъ высокой узкой рюмочки коньякъ и запивая его душистымъ кофе, который онъ самъ подливалъ въ свою чашку изъ стоявшаго тутъ же на каминѣ электрическаго кофейника. Противъ него, сидѣлъ Лютеръ, съ красными глазами и лѣниво возражалъ гостю:

— Нашъ Петербургъ, конечно, много моложе вашего Лиссабона, но увѣряю васъ, что онъ не уступитъ ему по красотѣ, а рѣка Нева неизмѣримо величественнѣе вашего Таго...

За піанино сидѣлъ докторъ и наигрывалъ что-то меланхолическое.

Смѣнившемуся вахтенному начальнику былъ накрытъ на концѣ обѣденнаго стола приборъ.

— Что скверно тамъ, наверху? — спросилъ гость минера, улыбаясь ему изъ своего уютнаго уголка. Шестаковичъ уже сидѣлъ за столомъ и наливалъ себѣ, озябшею рукою, рюмку водки.

— Да, хуже погоду трудно и придумать, — отвѣтилъ минеръ: — не составите ли вы мнѣ компанію? — добавилъ онъ, указывая на графинчикъ съ водкой.

— Гмъ, водка? Пожалуй, — сказалъ гость, къ великому удивленію самого Шестаковича и къ ужасу широко раскрывшаго глаза штурмана. Извинившись передъ Лютеромъ, гость пересѣлъ къ новому собутыльнику.

— Нѣтъ, нѣтъ, ѣсть я ничего не могу, — запротестовалъ португалецъ, увидѣвъ, что вѣстовой ставитъ передъ нимъ приборъ, — если позволите, я выпью съ вами водку съ кофе.

Въ 2 часа, появившійся вновь въ кают-компаніи старшій

офицеръ засталъ гостя, играющимъ съ Шестаковичемъ въ трикъ-тракъ. На столѣ, подлѣ нихъ, стояли двѣ бутылки съ пивомъ. У Шестаковича заплетался языкъ и онъ, непрерывно, сбивался съ французскаго языка на русскій. Гость былъ свѣжъ, какъ поцѣлуй младенца,

— Я вамъ еще не надоѣлъ своимъ присутствіемъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ вошедшему въ каютъ-компанію старшему офицеру: — мнѣ, право, какъ-то становится уже неловко, что я такъ у васъ засидѣлся.

— Что вы, что вы, помилуйте, намъ такъ пріятно, — поспѣшилъ успокоить его Валеріанъ Ивановичъ.

Въ четыре часа, смѣнившійся съ вахты Лейтенантъ Чириковъ нашелъ португальца играющимъ въ шахматы съ Чифомъ. Они дымили сигарами и отхлебывали изъ стоявшихъ подлѣ нихъ большихъ фужеровъ виски съ содой. Чифъ, только что сдѣлавшій ходъ пѣшкой, ласково смотрѣлъ на своего партнера осовѣлыми глазами и говорилъ:

— Самый опасный народъ въ смыслѣ умѣнья выпить, это норвежцы, и, вообще скандинавы. Съ ними, вамъ, романской расѣ, лучше не встрѣчаться.

— О да, вы совершенно правы, — любезно согласился португалецъ, двигая королеву: — мнѣ, во время моихъ плаваній приходилось встрѣчаться со шведами.

Увидѣвъ вошедшаго въ каютъ-компанію озябшаго на вахтѣ Чирикова, онъ улыбнулся ему ласковой улыбкой и сказалъ:

— Отличное у васъ виски, лейтенантъ. Совѣтую вамъ хлебнуть глотокъ, въ чистомъ видѣ, безъ соды. Это — лучшее средство чтобы согрѣться.

О, yes, — отвѣтилъ Чириковъ, догадавшійся, что гость сказалъ ему что то пріятное. По французски онъ не говорилъ.

— Впрочемъ, у васъ, не одно только виски превосходнаго качества, — замѣтилъ гость, переходя на англійскій языкъ.

— О yes, — также кратко отвѣтилъ Чириковъ, ибо по англійски онъ тоже не говорилъ.

Когда къ шести часамъ, вѣстовые начали накрывать на столъ къ обѣду, гость, только что сдѣлавшій Чифу матъ, поднялся и подойдя къ старшему офицеря началъ откланиваться и попросилъ у него шлюпку, чтобы вернуться на свой корабль.

Валеріанъ Ивановичъ рѣшительно запротестовалъ.

Да что вы, помилуйте, мы никакъ не можемъ отпустить васъ безъ обѣда.

— Но право же, мнѣ неловко, что я такъ злоупотребляю вашимъ гостепріимствомъ...

— Какіе могутъ быть разговоры о злоупотребленіи! Увѣряю васъ, ваше присутствіе всѣмъ доставляетъ искреннее удовольствіе!

— Ваши любезность и радушіе меня трогаютъ выше всякой мѣры. Я, рѣдко встрѣчалъ столь очаровательную каютъ-компанію...

Они долго обмѣнивались любезными фразами и взаимными комплиментами.

Когда въ каютъ-компанію глухо донеслись четыре удара бакового колокола, старшій офицеръ взялъ гостя подъ руку и, бережно и любовно повелъ его къ столу. На этотъ разъ, по другую сторону португальца сѣлъ штурманъ. Докторъ, бывшій его сосѣдомъ за завтракомъ, отодвинулся на два человѣка дальше. Когда гость опрокинулъ въ ротъ первую рюмку водку и закусилъ маслиной, докторъ нагнулся къ своему сосѣду артиллеристу и сказалъ:

— Это, уже,нѣчто патологическое. Профессора вѣнской, да и нашей петербургской клиники, я думаю, дорого бы дали, чтобы получить его объектомъ для своихъ наблюденій.

— А не можетъ быть у него, докторъ, какой нибудь дырки въ головѣ, какъ у барона Мюнхгаузена, сквозь которую онъ выпускаетъ винные пары? — засмѣялся артиллеристъ.

— Вы смѣетесь, а я самымъ серьезнымъ образомъ начинаю интересоваться этимъ типомъ.

Отдохнувшій и освѣжившій себя двухчасовымъ сномъ и бутылкой содовой воды, выпитой въ каютѣ, Лютеръ налегъ на гостя, хлопая съ нимъ водку рюмку за рюмкой съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ сказать: — самъ лягу костьми, а тебя доканаю! — У доктора пропалъ даже аппетитъ и онъ ѣлъ разсѣянно, наблюдая, со все возростающимъ интересомъ, за гостемъ.

Одновременно съ супомъ, вновь появилась марсала и старшій офицеръ нагнулся съ бутылкой надъ рюмкой гостя, но этотъ, вдругъ, рѣшительно отставилъ ее въ сторону и положилъ на нее свою ладонь.

Старшій офицеръ, въ первый моментъ, даже не понялъ этого жеста.

— Да вѣдь это же марсала, которая вамъ такъ понравилась за завтракомъ, — сказалъ онъ.

— Да, я вижу и вновь подтверждаю, что марсала у васъ прекрасная, но пить ее уже не смогу.

— Ну, такъ можетъ быть краснаго?

Благодарю васъ, и отъ краснаго, если позволите, откажусь.

— Можетъ быть, бѣлаго? У насъ есть чудесное, легкое, бѣлое вино...

— И не бѣлаго.

— Но какого же вина можно вамъ предложить? Вѣдь нельзя же обѣдать безъ вина!

Португалецъ серьезно и строго посмотрѣлъ на старшаго офицера, потомъ точно спохватившись, вдругъ улыбнулся и сказалъ:

— Послѣ такого количества водки, которое мы выпили съ моимъ очаровательнымъ сосѣдомъ, — онъ слегка поклонился въ сторону Лютера, — увѣряю васъ, можно обѣдать безъ вина.

— Ну, можетъ быть пива?

— И безъ пива.

Всѣ усилія старшаго офицера и штурмана заставить гостя выпить хотя бы еще одинъ стаканчикъ чего бы то ни было, не привели ни къ чему. Гость оставался непоколебимымъ.

— Должно быть клапанъ у португальца закрылся, — сказалъ, смѣясь, артиллеристъ доктору.

— Да, — отвѣтилъ докторъ, — но онъ все же трезвъ какъ стеклышко, а нашъ Лютеръ снова уже въ полъ-свиста.

Обѣдъ закончился въ меланхолическомъ настроеніи. И гость и хозяева, явно, были утомлены другъ другомъ.

Послѣ обѣда, португалецъ, изъ приличія, посидѣлъ еще съ четверть часа и началъ прощаться. Его, больше, не задерживали.

Старшій офицеръ распорядился подать къ трапу капитанскій вельботъ — «Хивинца». Офицеры вышли провожать гостя, который, сердечно, со всѣми простился, подолгу пожимая каждому руку. Когда онъ жалъ маленькую, тонкую, точно женскую руку Чифа, онъ сверкнулъ, въ темнотѣ своими бѣлыми зубами и сказалъ:

— Такъ вы совѣтуете мнѣ опасаться норвежцевъ?

— О, нѣтъ, — живо отвѣтилъ ему Чифъ, — теперь я норвежцамъ буду совѣтовать опасаться васъ...

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ
на
ИМПЕРАТОРСКОЙ ЯХТѢ
«ШТАНДАРТЪ»

(Продолженіе)

VI.

1907-ой год.

Въ мартѣ мѣсяцѣ состоялся въ Царскомъ Селѣ смотръ новобранцевъ Гвардейскаго экипажа въ Высочайшемъ присутствіи. Государь по своему усмотрѣнію вызывалъ роты для ученій, и въ этомъ году впервые мы показали соколиную гимнастику, что было новостью во флотѣ.

Въ апрѣлѣ занятія въ экипажѣ кончились, и хотя яхты и суда еще не начали кампаній, но офицеры ходили на работы въ портъ, на тимберовку и окраску шлюпокъ и судовой ремонтъ. Въ это же время состоялось распредѣленіе офицеровъ по яхтамъ и судамъ, и я былъ вновь назначенъ на «Штандартъ».

На яхтѣ за зиму не сдѣлали какихъ либо улучшеній или передѣлокъ, кромѣ обычнаго пересмотра машинъ и котловъ, перебрали кое гдѣ палубу, позолотили канаты и украшенія и произвели внутреннюю окраску.

Въ концѣ апрѣля «Штандартъ» началъ кампанію, и яхта вышла на середину рѣки. Оригинальное явленіе замѣчалось у насъ во флотѣ: — пока судно стоитъ у берега ничего не готово, мастеровые тянутъ, рабочіе не являются, и не видно конца когда судно будетъ готово къ плаванію. Стоитъ только судно оторвать отъ берега, вывести на рейдъ — все готово въ два дня. Такъ и тутъ, лишь только мы вышли на Неву, какъ всѣ работы были закончены и мы пошли въ Кронштадтъ, въ сухой докъ, гдѣ яхту покрасили въ подводной части, осмотрѣли винты, кингстоны, послѣ чего мы вышли на Малый рейдъ и стали на свою бочку.

Среди офицерскаго состава на яхтѣ произошли нѣкоторыя перемѣны: инженеръ-механикъ Лукинъ ушелъ въ Морскую Академію и вмѣсто него былъ назначенъ инженеръ-механикъ Лейт. Н. Н. Ульяновъ, отличный художникъ, который съ большимъ мастерствомъ и вкусомъ разрисовывалъ ленты для букетовъ, подносимыхъ нами какъ нашей Хозяйкѣ, такъ и другимъ коронованнымъ особамъ. Особенно ему удавались изображеніе кружевъ, весьма тонкой работы, и конечно, всѣ сюжеты всегда были морского характера. Много его произведеній осталось на яхтѣ у Государыни, вдѣланныя въ рамки и помѣщенныя въ коллекцію Государыни.

Кромѣ того вахтеннымъ начальникомъ былъ назначенъ старый офицеръ Гв. экипажа, Лейт. С. Н. Тимиревъ, котораго молва прочила въ будущіе старшіе офицеры, такъ какъ Зеленецкому подходило время командованія судномъ второго ранга. Тимиревъ былъ со мною въ Портъ-Артурѣ, это былъ очень боевой и отличный морской офицеръ, отличавшійся элегантностью, большой свѣтскостью и любовью къ хорошему красному вину. Всѣ мы были очень рады его назначенію. Кромѣ того на осеннее время временно были назначены лейт. Картавцевъ и Эйлеръ въ помощь вахтеннымъ начальникамъ.

Мы мирно стояли, сходивъ только разъ на опредѣленіе девіаціи, и сдѣлавъ пробѣгъ на мѣрной милѣ, при чемъ яхта показала свою постоянную скорость и отличную работу машинъ.

Стоянка на Маломъ рейдѣ въ Кронштадтѣ довольно скучная, иногда штиль, такъ того и гляди, что на яхту нанесетъ какую нибудь лайбу, несомую теченіемъ изъ Невы безъ управленія; или такъ задуваетъ, что приходилось сидѣть безъ сообщенія съ берегомъ. И не то что крупная волна, а какая то проклятая толчея, катера заливаетъ, яхта стоитъ ни по вѣтру, ни по теченію изъ Невы, которое бываетъ настолько сильно что достигаетъ этого рейда.

Производили ученія на шлюпкахъ, катались подъ парусами и много гребли. Къ сожалѣнію байдарки еще не были готовы.

Въ первыхъ числахъ Іюня Чагинъ, какъ флигель-адъютантъ, дежурилъ въ Петергофѣ и привезъ радостное извѣстіе, что 7-го числа Государь идетъ одинъ на яхтѣ въ Свинемюнде отдать визитъ германскому императору за свиданіе въ Біоркэ въ 1905 году. Опять пошла горячка, погрузка угля, подкраска, отлакировали бортъ какъ зеркало и вечеромъ 6-го числа блестѣли и сіяли какъ всегда передъ пріѣздомъ нашихъ хозяевъ.

На рейдѣ собралось четыре миноносца флота подъ флагомъ

адмирала Эссена. «Александрія», подъ брейдъ-вымпеломъ Государя быстро приближалась къ Кронштадту, конвоируемая, какъ всегда, «Развѣдчикомъ» и «Дозорнымъ». Описавъ громадную циркуляцію, яхта, напоминавшая своимъ профилемъ англійскіе пароходы временъ королевы Викторіи, стала на якорь въ нѣсколькихъ кабельтовыхъ отъ насъ. Чудные громадные императорскіе катера, «Петергофъ» и «Бунчукъ», одинъ полированнаго краснаго дерева, другой черный лакированный, черезъ нѣсколько минутъ перевезли царскую семью и свиту на «Штандартъ». Мы были очень рады, что Государыня съ дѣтьми пріѣхала проводить Государя. Ихъ Величества отпили пятичасовой чай въ царской рубкѣ, приняли начальствующихъ морскихъ лицъ, и Государыня отбыла обратно въ Петергофъ на «Александріи». А пока пили чай, дѣти побѣгали по каютамъ, слазили въ машину, и когда катера отвалили отъ трапа, всѣ четыре княжны горько плакали, сбившись въ уголъ обширнаго кормового сидѣнія «Бунчука», блестѣвшаго своей никелированной машиной, синими шагреневыми подушками и пушистымъ бархатнымъ ковромъ.

Государя сопровождала въ этотъ разъ большая свита только мужчинъ. Кромѣ, какъ всегда, министра двора барона Фредериксъ, шелъ, за морского министра, престарѣлаго адмирала Дикова, его товарищъ, энергичный и образованнѣйшій адмиралъ Ф. Ф. Бостремъ, начальникъ военно-походной канцеляріи Кап. 1 р. Графъ А. Ф. Гейденъ, его помощникъ, лейт. А. В. Вырубовъ, германскій морской агентъ капитанъ Гинце, состоящій при германскомъ императорѣ генералъ И. А. Татищевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ А. И. Извольскій и начальникъ канцеляріи министерства камергеръ А. А. Савинскій.

Мы быстро снялись съ бочки и уже на Большомъ рейдѣ Чагинъ увѣренной рукой перебросилъ ручки машиннаго телеграфа на полный ходъ. Яхта пошла въ этотъ разъ двадцати-узловымъ ходомъ, что несмотря на небольшую разницу отъ обычныхъ 17 узловъ, было всетаки ощутительно на верхнемъ мостикѣ. Государь сразу же поднялся въ штурманскую рубку, въ обычной морской тужуркѣ, и началъ со вниманіемъ знакомится съ курсами. Погода была прекрасная, море тихое и конвоирующіе миноносцы отлично держались на своихъ мѣстахъ. Эссенъ шелъ на своемъ любимцѣ, миноносцѣ «Пограничникъ». Къ вечеру въ машинѣ случилась непріятность: въ отливныя помпы засосало паклю изъ подъ мотылей. Неизбѣжная въ море случайность. Пришлось уменьшить ходъ пока эти проклятыя помпы не очистили. Это не былъ недосмотръ механиковъ, а

конструктивный недостатокъ, который потомъ учли. Но нашъ штурманъ Конюшковъ, весьма ядовитый, немедленно подсчиталъ, куда ближе всего можно бы зайти, въ случаѣ, если придется временно стать на якорь. Государь даже не замѣтилъ вначалѣ уменьшеніе хода, и только потомъ спустился въ машину, посмотрѣть на горячку по очищенію помпъ.

Ночью продолжали итти хорошей погодой, какъ вдругъ рано утромъ влѣзли въ отвратительный туманъ и мглистую погоду. Германскій императоръ сообщилъ по радіо, что онъ вышелъ намъ на встрѣчу и далъ мѣсто и часъ рандеву. Секунда въ секунду, несмотря на туманъ, мы встрѣтили яхту «Гогенцоллернъ» подъ штандартомъ императора, съ приклеившимся къ ея кормѣ постояннымъ конвоиромъ, миноносцемъ «Слейпнеръ».

Встрѣча произошла рано утромъ, и несмотря на туманъ, море было такое свѣжее, что Кайзеръ съ трудомъ вышелъ изъ своего катера и поднялся на «Штандартъ». Всѣ были въ полной парадной формѣ, Вильгельмъ русскаго адмирала, Государь въ германской.

Тутъ мы показали тоже своего рода туманчикъ. Когда Кайзеръ вышелъ на верхнюю палубу, то рядомъ со штандартомъ Государя подняли и штандартъ германскаго императора, и когда онъ пошелъ наверхъ, то къ ужасу увидѣли, что его подымаютъ вверхъ-ногами. Старшина сигнальщикъ штаба, кондукторъ Байбаковъ растерялся и такъ и продолжалъ его поднимать до самаго клотика, и тутъ только флагъ-офицеръ баронъ Остенъ-Сакенъ замѣтилъ ошибку и штандартъ былъ замѣненъ. Но вина не яхты, флагъ былъ неправильно пришитъ въ парусныхъ мастерскихъ порта, но конечно былъ недосмотръ и съ нашей стороны. Кайзеръ, вѣроятно, не замѣтилъ, въ суетѣ пріема, этого гафа, но свита его конечно видѣла и приписала этотъ скандальчикъ къ нашему счету. Яхты дали ходъ, «Гогенцоллернъ» вступилъ намъ въ кильватеръ, и большимъ ходомъ, въ туманѣ, пошли на рейдъ Свинемюндэ.

Германскій Императоръ съ Государемъ и свитами выпилъ чаю и всѣ поднялись на мостикъ, но такъ какъ моросило, и съ рангоута капалъ осѣдавшій туманъ, то Вильгельмъ съ Государемъ вошли въ нижнюю рубку, гдѣ я, по росписанію входовъ на рейды, стоялъ на машинномъ телеграфѣ.

Императоры избрали темой разговоровъ Портъ-Артуръ и Государь, указывая на меня, сказалъ что я единственный на яхтѣ офицеръ бывшій въ Артурѣ. Кайзеръ очень милостиво обратился ко мнѣ, покровительственно положивъ руку на пле-

чо, и спросилъ, правда ли, что «Петропавловскъ» съ Макаровымъ былъ потопленъ японской подводной лодкой.

Я отвѣтилъ, что на мѣстѣ гибели «Петропавловска» мы нашли родъ миннаго поля, что мы называли минной люстрой, т. е. нѣсколько донныхъ минъ, связанныхъ между собою минрепами. «Петропавловскъ», налетѣвъ на такое поле, и взорвавъ одну мину, вызвалъ детонацію другихъ, отчего и получился этотъ колоссальный взрывъ, вызвавшій и взрывы всѣхъ погребовъ. Вильгельмъ очень заинтересовался этимъ и началъ разсказывать, что по его точнымъ свѣдѣніямъ, у японцевъ были въ то время подводныя лодки. По нашимъ свѣдѣніямъ у японцевъ въ то время никакихъ подводныхъ лодокъ еще не было, но Кайзеръ такъ авторитетно и убѣдительно настаивалъ на своемъ, что Государь ничего не отвѣтилъ, а я конечно, тѣмъ паче.

Въ молокѣ мы вошли въ германскую эскадру и пошли, среди салютовъ, между линіями судовъ. Дымъ отъ выстрѣловъ и туманъ почти совсѣмъ скрывали отъ насъ силуэты кораблей, и Чагинъ на мостикѣ вѣроятно испытывалъ непріятныя минуты, ведя яхту въ этой мглѣ хорошимъ ходомъ.

Для яхты была приготовлена на рейдѣ бочка, на которую мы, къ счастью, вышли очень точно.

Весь громадный рейдъ, окутанный туманомъ, чувствовалось, жилъ, что за этой сырой, промозглой пеленой дышали корабли, слышны были звуки, виднѣлись силуэты, но разобрать, что было подъ этой тайной природы, было трудно.

Вильгельмъ уѣхалъ со «Штандарта» и черезъ нѣсколько минутъ Государь поѣхалъ на «Гогенцоллернъ» съ отвѣтнымъ визитомъ, а затѣмъ и на суда германскаго флота.

Тѣмъ временемъ туманъ началъ расходиться и мы увидали величественное зрѣлище: линіи идеально выравненныхъ броненосцевъ, крейсеровъ и миноносцевъ. Въ дали стояли подводныя лодки и мостообразный «Вулканъ», матка подводнаго плаванія, которая своими сильными гинями могла подымать со дна моря лодки въ случаѣ аваріи.

Къ полдню совершенно прояснило и стало даже очень жарко.

Государь вернулся со смотровъ, но не былъ въ восторгѣ или доволенъ и хорошо расположенъ; какъ говорили, Вильгельмъ страшно кичился своимъ флотомъ и хвастался. Впрочемъ, надо сказать, что и было отчего.

Къ завтраку Вильгельмъ пріѣхалъ въ зимней парадной формѣ, потому что въ германскомъ флотѣ нѣтъ лѣтней, какъ у насъ, кителя съ орденами и прочимъ.

Свита его была вся военная, особенно странно было видѣть министра-президента князя Бюлова, штатскаго человѣка, въ формѣ безсмертныхъ гусаръ. Какъ разсказывали, Вильгельмъ, послѣ его назначенія, произвелъ его въ полные генералы, найдя что у него въ свитѣ не могутъ состоять штатскіе. Обратили вниманіе и на одного чрезвычайно высокаго ростомъ генерала, просто настоящій великанъ, Фонъ Плескау; онъ былъ взятъ въ свиту именно за свой выдающійся ростъ и умѣніе развлекать своего Суверена.

Завтракъ прошелъ очень тягостно, было невѣроятно жарко и всѣ мучались въ мундирахъ. Вильгельмъ произнесъ обычную рѣчь изъ тысячи словъ, на что Государь отвѣтилъ очень просто, но съ удивительнымъ умѣніемъ, а главное, обаятельностью. Хотя текстъ рѣчей обыкновенно подготовлялся, и монархамъ передъ ихъ произнесеніемъ клали крупно отпечатанныя шпаргалки, но нашъ Государь обладалъ изумительной памятью, а кромѣ того отъ природы говорилъ очень хорошо. Конечно въ печать помѣщали только провѣренныя рѣчи. Въ своей рѣчи Вильгельмъ не сказалъ ничего особеннаго, только, какъ всегда, подчеркивалъ тѣсную дружбу и взаимное довѣріе.

Послѣ завтрака Кайзеръ немедленно уѣхалъ, при чемъ мы замѣтили что у него, какъ впрочемъ и на многихъ большихъ частныхъ яхтахъ, поднимали, при его пріѣздѣ къ себѣ, маленькій особенный флажокъ, обозначавшій, что хозяинъ дома принимаетъ, или нѣтъ.

У Вильгельма это былъ желтый флажокъ съ его грифономъ Гогенцоллерновъ. Если его поднимали до клотика, значитъ пріемъ былъ открытъ, если же до половины, значитъ хозяинъ никого не принимаетъ. У насъ этого обычая не было, хотя онъ имѣетъ свою хорошую сторону.

Какъ только Кайзеръ отбылъ, Государь обратился къ намъ всѣмъ, только что разошедшимся изъ фронта:

— «Ну, слава Богу, вотъ-то жара. Скорѣе снимайте мундиры, я чуть не задохнулся за завтракомъ» — и спустился къ себѣ въ каюту.

Не успѣли мы дойти до своихъ каютъ, какъ пронзительно затрещали авральные звонки — вызовъ всѣхъ наверхъ. Мы едва успѣли выскочить — оказывается германскій императоръ проѣхалъ на свою двухъ-мачтовую парусную яхту «Идуна», поднялъ на ней паруса и шелъ подъ корму «Штандарта». Музыка начала играть встрѣчу и «Идуна» намъ срѣзала корму такъ близко, что вантами прошла по нашему кормовому флагу. Вѣтра было мало, она шла подъ топселями, и мы испугались, что

лишившись вѣтра подъ нашей кормой, она выпрямится и задѣнетъ за флагштокъ и даже фальшбортъ. Тѣмъ болѣе, что на рулѣ сидѣлъ самъ Императоръ. Однако «Идуна» прошла очень хорошо, съ большимъ морскимъ шикомъ, и мы увидали что Кайзеръ уже въ спортивномъ бѣломъ костюмѣ, и вся свита тоже въ яхтенныхъ пиджакахъ. И когда они успѣли переодѣться. Въ моментъ прохода, Императоръ далъ короткій свистокъ и команда, сидѣвшая на шкотахъ и фалахъ, встала и сняла красные гарусные колпачки-шапочки, отдавая этимъ честь. А на бакѣ «Идуны» стали во фронтъ нѣсколько матросовъ, кокъ во всемъ бѣломъ и лакеи въ бѣлыхъ смокингахъ, а на флангѣ у нихъ громадный оранъ-гутангъ, въ штанишкахъ, который тоже снялъ съ себя такую же шапочку-колпачекъ и преуморительно отдалъ честь. Любилъ Кайзеръ трюки.

Когда яхта прошла, мы начали удивляться, какъ ловко Вильгельмъ намъ срѣзалъ корму, а Чагинъ, который имѣлъ много знакомыхъ въ германскомъ флотѣ, говоритъ: — «Вы думаете это Вильгельмъ правилъ. — Нѣтъ, онъ кажется крутитъ въ пустую штурвалъ, а на рулѣ, въ рубкѣ, въ кокпитѣ, сидитъ его гоночный капитанъ, знаменитый побѣдитель на «Метеорѣ», командоръ Мейеръ, который былъ агентомъ въ Японіи вмѣстѣ со мною». — Передъ 1-ой міровой войной этотъ Мейеръ былъ агентомъ въ Англіи и довольно прославился на этомъ посту.

Днемъ были гонки для германскихъ матросовъ, причемъ призы были отъ нашего Государя. Побѣдители выходили на палубу «Штандарта» и тутъ Государь и германскій Императоръ раздавали призы, деньги и медали. Вильгельмъ опять не удержался отъ трюка: подойдя къ группѣ своихъ матросовъ, и желая показать что онъ знаетъ происхожденіе каждаго матроса, хотя бы по наружному виду, онъ спрашивалъ: — «Ду бистъ Байэрнъ»? — «Я-волль Мажэстэтъ». — Хотя, быть можетъ, именно этотъ матросъ былъ Саксъ. Но люди были выдрессированы отлично на отвѣты.

Матросы въ германскомъ флотѣ были очень крѣпкіе и прекраснаго морского вида, сильно загорѣлые, съ открытыми голыми грудями, чисто выбритые и отлично одѣтые.

Вечеромъ былъ отвѣтный обѣдъ на «Гогенцоллернѣ», а у насъ случилось происшествіе: по случаю духоты и штиля, царская рубка была настежъ открыта и ярко освѣщена, такъ какъ вся яхта была илюминирована тысячью лампочекъ по всѣмъ линіямъ, мачтамъ и трубамъ.

Офицеры находились на верхней палубѣ и любовались прекраснымъ зрѣлищемъ иллюминированныхъ судовъ герман-

ской эскадры, какъ вдругъ прибѣгаетъ старшiй каютный и докладываетъ старшему офицеру: — «Въ царскую столовую налетѣло столько мошкары, что прямо свѣту не видно». — Мы всѣ побѣжали на ютъ и видимъ ужасъ: вся подволока, всѣ стѣны, лампы, мебель, зеркала — все покрыто тучей какихъ то жучковъ. Миллiарды, и сплошными кучами. Потушили освѣщенiе, начали махать и выгонять, закрыли всѣ двери и окна, а когда опять освѣтили, жучки успѣли отложить яйца, липкiе черные комочки, которые размазывались при прикосновенiи, и изгадили намъ всю краску и обстановку.

Всю ночь мыли мы скипидаромъ и чистили нашу чудную рубку, нашу гордость, и къ утру успѣли даже заново выкрасить. Завѣдующiй окраской, Н. П. Саблинъ работалъ со своими малярами не покладая рукъ, и опять привелъ царскую столовую въ ея прекрасный видъ. На другой день у насъ долженъ былъ быть парадный обѣдъ для всѣхъ высшихъ чиновъ германскаго флота.

На другой день Государь, въ семь часовъ утра, ушелъ съ Вильгельмомъ въ море на маневры, на одномъ изъ боевыхъ судовъ, причемъ завтракъ долженъ былъ состоятся на «Гогенцоллернѣ», который сопровождалъ флотъ. А мы весь день возились съ рубкой, да и еще случилось происшествiе: когда эскадра снималась, то миноносцы прошли мимо «Штандарта» такимъ большимъ ходомъ, и, несмотря на штиль, развели такую волну, что залили черезъ открытые иллюминаторы всѣ свитскiя каюты; яхту раскачало и побило много посуды. Неизбѣжная въ морѣ случайность.

Къ крайнему сожалѣнiю никто изъ русскихъ офицеровъ, ни съ яхты, ни съ конвоирующихъ судовъ, не были приглашены на маневрированiе германскаго флота, кромѣ флагъ-капитана адмирала Нилова и адмирала Эссена. Но флагъ-офицеръ баронъ Остенъ-Сакенъ, сопровождавшiй Нилова, разсказывалъ, что стрѣльба была очень хорошая и что суда эскадры маневрировали очень отчетливо.

Государь вернулся не въ очень веселомъ настроенiи. Конечно, обидно было, послѣ Цусимы, видѣть этотъ прекрасный новый флотъ.

(Продолженiе слѣдуетъ)

МОРСКІЯ ЗАМѢТКИ

ПОТЕРИ ЯПОНСКАГО ВОЕННАГО И КОММЕРЧЕСКАГО ФЛОТОВЪ ВО ВТОРОЙ МІРОВОЙ ВОЙНѢ

(Condenced from "The Washington Post" July 16, 1947).

Ниже приводится выдержка изъ сообщенія "Joint Army-Navy Assessement Committee" указывающаго потери Японскаго военнаго и коммерческаго флотовъ, нанесенныя дѣйствіями Флота С. Ш., морской и военной авіацiей.

Флотомъ — уничтожено 78% всего японскаго тоннажа; военной авіацiей — 15%.

Уничтожено военного японскаго тоннажа: Флотомъ — 87%; AAF — 6%.

Уничтожено танкеровъ: Флотомъ — 87%; AAF — 7%.

Изъ нихъ подводныя лодки США уничтожили около 43% танкеровъ и около 30% военныхъ судовъ. — Всего около 5.000.000 тоннъ.

Морская авіація самостоятельно уничтожила 40% тоннажа японскаго военнаго флота; совмѣстно съ Флотомъ уничтожила — 875.000 тоннъ или 48% японскаго военного флота.

Изъ нихъ: линейныхъ кораблей — 6; крейсеровъ — 13; авіаносцевъ — 13; дестроеровъ — 29; подводныхъ лодокъ — 13.

Изъ этого числа судовъ — морская авіація уничтожила самостоятельно 62, включая 5 линейныхъ кораблей, 10 крейсеровъ, 10 авіаносцевъ.

AAF приняло участіе въ уничтоженіи 22 судовъ совмѣстно съ другими силами и 8 дестроеровъ самостоятельно.

Морская авіація, базирующаяся на береговыя базы самостоятельно уничтожила 4 дестроера и 4 подводныхъ лодки и приняла участіе въ потопленіи 4 линейныхъ кораблей и крейсеровъ.

Морская авіація утопила 76 японскихъ танкеровъ (400.000 тоннъ); AAF — 19 (около 100.000 тоннъ).

Съ 1 февраля 1944 до 1 января 1945 морская авіація утопила въ 15 разъ больше танкеровъ чѣмъ AAF.

За это же время былъ уничтоженъ почти весь японскій

тоннажъ, что заставило японцевъ подумать о прекращеніи войны. За тотъ же періодъ AAF утопило 300.000 тоннъ японскаго коммерческаго флота или 1/13 тоннажа утопленнаго силами С. Ш.

Во время операціи у Truk I. морская авіація за два дня утопила 191.000 тоннъ, а у Palau 100.000 тоннъ. Въ Филиппинскую кампанію съ сентября 1944 по февраль 1945 было уничтожено 1.975.000 японскаго тоннажа. На долю AAF приходится только 8% этого тоннажа.

Въ Филиппинскихъ водахъ морской авіацией утоплено 187.000 тоннъ коммерческаго тоннажа и 105.000 тоннъ утоплено FEAF и военного тоннажа — морской авіацией 322.000 тоннъ и FEAF (Far East Air Force) — 32.000 тоннъ.

FEAF утоплено самостоятельно — 4 дестроера; съ помощью другихъ силъ — 7 дестроеровъ.

FEAF приняло участіе въ потопленіи 2 легкихъ крейсеровъ.

Во время операціи у Truk I. морская авіація за два дня утопила 191.000 тоннъ, а у Palau 100.000 тоннъ.

Болѣе успѣшная дѣятельность морской авіаціи объясняется ея подвижностью и способностью проникать вглубь непріятельской территоріи и атаковать наиболѣе уязвимыя и важныя цѣли, чего нельзя сказать про армейскую авіацію базирующуюся на неподвижныя и зачастую отдаленныя береговыя базы.

Этимъ объясняется сравнительно незначительныя потери, нанесенныя непріятелю армейской авіацией.

Неподвижность FEAF особенно проявилась въ Филиппинской операціи.

Морская авіація атаковала японскія подкрѣпленія безпрерывно на пути къ Leyte, что благодаря отдаленности базъ было невыполнимо для AAF.

Отдаленность базъ задержало атаки на Токіо на 3 мѣсяца. Морская авіація настолько успѣшно атаковала быстро движущіеся цѣли, что для этого потребовалось только 10% всѣхъ произведенныхъ морской авіацией атакъ .

Эффективность морской авіаціи проявилась не только въ дѣйствіяхъ противъ судовъ, но и пунктовъ на берегу или вблизи береговъ какъ-то мостовъ, электрическихъ станцій, пусковыхъ ракетныхъ площадокъ, замаскированныхъ или частично спрятанныхъ подъ землей военныхъ заводовъ, т. е. цѣлей стратегическаго значенія кои не могли быть замѣчены съ большой высоты съ которой обычно атаковала армейская авіація.

Вышеуказанные факты рѣшительно говорятъ противъ

объединенія морской и армейской авіаціи въ единыя воздушныя силы, къ чему такъ упорно стремиться военное командованіе и это не является секретомъ.

Во многихъ случаяхъ тактическіе методы морской авіаціи значительно превосходятъ таковые сухопутной. По мнѣнію морскихъ авіаторовъ, только полнѣйшее непониманіе свойствъ и возможностей морской авіаціи заставляетъ военную авіацію такъ усиленно добиваться сведенія морскихъ и сухопутныхъ воздушныхъ силъ въ одно цѣлое.

Примѣчаніе. — Согласно новому закону, морская авіація сохранила свою независимость отъ военной и продолжаетъ оставаться въ составѣ морскихъ силъ.

**
*

НОВОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКИ

(Condenced from "The Washington Post" July 16, 1947).

Новый Jet Fighter

AAF рѣшило задачу снабдить «бомбардирскіе» аэропланы дальняго дѣйствія защитой (Fighters).

Въ настоящее время въ St-Louis Mo. строятся небольшіе ракетные аэропланы подъ маркой XP85, которые являются единственными въ своемъ родѣ и ихъ назначеніе:

1) Находиться во время полета до цѣли въ «гнѣздѣ» Гиганта-бомбардира.

2) Вылетѣть изъ гнѣзда и дать бой встрѣчнымъ непріятельскимъ «Fighters».

3) Вернуться послѣ боя въ свое гнѣздо.

Постройка ихъ и рѣшеніе проблемы защиты большихъ бомбардировъ отъ непріятельскихъ «Fighters» вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ еще не спроэктированы аэропланы такого радіуса дѣйствія (10.000 миль) какъ 13-36, а эти «Baby Kengoroo» jet Fighters до извѣстной степени эту проблему разрѣшаютъ.

**
*

(Condenced from "Evening Star" May September 18, 1947).

Недавно было оффиціально объявлено Морскимъ Департаментомъ, что имъ организована специальная секція, назначеніе

которой изученіе возможности примѣненія атомной энергіи для движенія судовъ.

Въ эту секцію, назначеніе которой измѣнить всю концепцію искусства морской войны входятъ еще и два отдѣла:

1) радіологическій — задачей котораго явится изученіе способовъ предохраненія экипажей судовъ отъ радіологическаго зараженія и 2) Атомическій — изысканіе способовь защиты судовъ отъ атомного оружія и продолженіе изученія опыта Bikini.

По словамъ Assistant Secretary of the Navy, будущіе корабли пойдутъ въ бой настолько «наглухо задраенными», что ни одинъ человѣкъ не будетъ стоять открыто.

Имѣются указанія на то, что объектомъ флота будущаго будутъ непріятельскіе берега, а не отраженіе непріятельскаго флота (!?)

Линейные корабли, видимо, должны будутъ уступить мѣсто «ракетнымъ кораблямъ» сильно защищеннымъ, способнымъ противостоять атомнымъ и другимъ взрывамъ, назначеніемъ которыхъ будетъ атака непріятельскихъ береговъ и бомбардировка отдаленныхъ стратегическихъ пунктовъ при помощи управляемыхъ ракетъ.

Въ настоящее время два большихъ корабля перестраиваются для этой цѣли.

Крейсера повидимому должны будутъ уступить мѣсто быстроходнымъ «raiders», назначеніе которыхъ бомбардировка ракетами приморскихъ пунктовъ военного значенія — Carriers также видимо будутъ замѣнены быстроходными судами снабженными «без-пилотными» аппаратами., назначеніе которыхъ перенять и сбить управляемыя непріятельскіе снаряды, направляющіеся къ нашимъ берегамъ.

Миноносцы примутъ нѣсколько иной видъ и будутъ обладать мощной огневой силой и противолодочными средствами. Значительно увеличится роль подводныхъ лодокъ — онѣ будутъ примѣняться для развѣдокъ, бомбардировокъ атомнымъ оружіемъ и для перевозки грузовъ.

Для постройки двухъ «опытныхъ» подводныхъ лодокъ ассигновано $30.000.000.

Флотъ США имѣлъ своимъ противникомъ японскій флотъ и обошелся странѣ въ $18.000.000.000.

Въ настоящій моментъ, этотъ флотъ, хотя и мощный, но для будущей войны признается устарѣлымъ.

Въ С. С. С. Р. по германскимъ чертежамъ и германскими инженерами строятся подводныя лодки, подводная скорость

которыхъ выше чѣмъ таковая лучшихъ американскихъ противолодочныхъ судовъ.

Будучи атакованъ десятками сверхъ-подлодками, американскій флотъ можетъ оказаться въ затруднительномъ положеніи.

Какъ выясняется — по прошествіи 10 мѣсяцевъ со дня опыта на Bikini, всѣ бывшія тамъ суда продолжаютъ быть «зараженными и небезопасными для жилья».

Эти суда будутъ отбуксированы (безъ команды на нихъ) на Гаваи и на западный берегъ для опыта «обеззараживанія».

Радіокативное дѣйствіе атомныхъ бомбъ заставляетъ въ корнѣ пересмотрѣть и измѣнить чертежи судовъ.

Всѣ наиболѣе подверженныя поврежденіямъ надстройки, какъ-то мачты, посты управленія огнемъ, мостики будутъ убраны.

Методы управленія огнемъ посредствомъ радара, новый типъ башенъ находятся въ періодѣ разработки, мачты будутъ замѣнены телескопическими мачтами.

«Air conditionning» и сложная система вентиляціи съ особыми фильтрами для предохраненія людей отъ радіоактивнаго воздуха и воды получаетъ широкое примѣненіе.

По всей видимости новые корабли будутъ похожи на подводныя лодки въ подводномъ положеніи. Это сходство еще болѣе увеличится если будутъ убраны дымовыя трубы. Это произойдетъ, если удастся примѣнить атомную энергію для движенія судовъ.

Тотъ фактъ, что во время опыта на Bikini, уцѣлѣли всѣ 8 подв. лодокъ, а 5 изъ нихъ остались боеспособными, заставляетъ думать, и это мнѣніе не должно явится сюрпризомъ, что подводный флотъ явится отвѣтомъ на атомное оружіе.

Можно ожидать, что будущія подводныя лодки окажутся настоящими подводными линейными кораблями.

Опытъ Bikini выяснилъ необходимость «разсредоточенія» флота, а слѣдовательно настоятельную необходимость имѣть много базъ.

Боевой и походный строй флота долженъ быть сильно растянутымъ.

Нести «бушпритъ на гакобортѣ мателота» отошло въ область преданій.

Трудно согласится кое съ чѣмъ высказаннымъ авторами въ этихъ замѣткахъ. Напримѣръ — что линейные корабли должны уступить свое мѣсто «ракетнымъ судамъ»...

Линейные корабли основа флота и ими все равно остаются,

вооружены ли они 36-ти фунтовыми пушками, 18″ орудіями или ракетами.

Линейные крейсера могутъ быть названы «raiders» отъ этого ихъ значеніе не измѣнится.

Оспоримо и высказанное предположеніе, что эскадренные бои отошли въ область преданій.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, эскадры временъ Нельсона, Ушакова, Нахимова сражались, причемъ предѣльной дистанціей боя было 5 каб., а разстояніе между судами ¼ кабельтова.

Теперь дистанція между судами значительно увеличена, но соотношеніе не измѣнилось.

А главная задача флота — уничтоженіе морской силы противника все же остается безъ измѣненія.

Что подводный флотъ явится отвѣтомъ на атомную бомбу и подобное оружіе такъ же естественно какъ броня явилась отвѣтомъ на нарѣзное оружіе, система переборокъ и двойного дна — самодвижущимся минамъ, а подводныя лодки — отвѣтомъ на скорострѣльныя пушки.

А. Ч.

Примечаніе Редакціи:

FEAF — Far East Air Force
AAF — Army Air Force
Carriers — Aircraft Carriers

Printed in the United States of America
Rausen Bros., 417 Lafayette Street, New York 3, N. Y.

317